Г. М. Барацъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЛѢТОПИСНАГО СКАЗАНІЯ

О НАЧАЛѢ РУСИ.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятит. 5.
1913.

Мефистофель.

. . . . . .

И вообще: во всемъ держитесь слова:
Дорога торная тогда для васъ готова
Къ познанію твердому всего.

Ученикъ.

Но вѣдь понятія въ словахъ должны же быть.

Мефистофель.

Прекрасно, но надъ тѣмъ не надо такъ крушиться:
Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить.
Словами диспуты ведутся,
Изъ словъ системы создаются;
Словамъ должны мы довѣрять,
Въ словахъ нельзя ни іоты измѣнять.

Гёте. „Фаустъ".
эводъ Н. Холодковскаго).

Занесенное въ дошедшіе до насъ лѣтописные сборники пресловутое Сказаніе о призваніи сѣверными славяно-финскими племенами варяго-русскихъ князей изъ-за моря издавна служило самымъ надежнымъ оплотомъ преобладающаго въ русской исторіографіи съ начала 18-го столѣтія догмата норманскаго или скандинавскаго происхожденія русской государственности и самого имени русскаго народа. Естественно, поэтому, что правовѣрные послѣдователи этого догмата постоянно придерживались цѣпко каждаго слова, каждой буквы означеннаго Сказанія. Понятно также, что, съ другой стороны, совсѣмъ иначе должны были относиться всегда къ помянутому Сказанію противники скандинавскаго ученія. И дѣйствительно, одни изъ нихъ по-просту отрицали его достовѣрность, объявивъ его вздорною баснею, легендою; другіе же, утверждая, что текстъ его испорченъ переписчиками, предлагали поправки нѣкоторыхъ мѣстъ и особеннымъ образомъ истолковывали значеніе нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ, съ цѣлью придать Сказанію смыслъ, соотвѣтствующій ихъ предвзятымъ теоріямъ. Но, къ сожалѣнію, нужно признать, что отъ этихъ поправокъ и объясненій текста лѣтописный разсказъ не становился ни болѣе вразумительнымъ, ни болѣе правдоподобнымъ.

Такъ, назовемъ прежде всего *Н. И. Ламбина*. Въ своихъ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ этотъ ученый, выразивъ предварительно свое прискорбіе о томъ, что при научной разработкѣ нашихъ лѣтописей изслѣдователи пренебрегаютъ преподанными Шлецеромъ правилами т. н. *малой критики*, или *критики словъ*, вслѣдствіе чего „мы до сихъ поръ толчемся все на одномъ мѣстѣ—на первомъ фактѣ нашей исторіи“, задался мыслью возстановить первоначальный текстъ занимающаго насъ Сказанія, расчитывая „достигнуть чрезъ то окончательнаго разрѣшенія безконечнаго спора о варягахъ и руси, или, по крайней мѣрѣ, сообщить ему другое, болѣе плодотворное направленіе“ (Ж. М. Н. Пр. за 1874 г., кн. 6 и 7).

Съ этою поставленною себѣ задачею авторъ справился слѣдующимъ образомъ: онъ утверждалъ, что въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ перваго набѣга руси на Царьградъ, водворилась православная византій-

ская миссія, съ епископомъ во главѣ, крестившая Русь Аскольда и Дира,—что эта миссія, обязанная доносить патріарху о трудахъ своихъ по распространенію христіанства, не могла не сообщать и о политическихъ событіяхъ, происходившихъ въ Кіевѣ,—что Нестору досталась въ копіи или черновикѣ записка сказанной миссіи, посланная въ 884 году византійскому правительству и заключавшая въ себѣ оффиціальное донесеніе въ формѣ сплошного и связнаго разсказа, безъ годовыхъ чиселъ, о покореніи сѣверныхъ племенъ варягами при императорѣ Михаилѣ, о призваніи варяжскихъ князей, о дѣлахъ Рюрика, Аскольда и Дира и о началѣ княженія Олега,—что эту реляцію Несторъ разбилъ на части и отдѣльными сегментами вставилъ въ хронологическую рамку своей „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ между 852 и 885 годами, въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ.

Исходя изъ этихъ предпосылокъ, Н. И. Ламбинъ прежде всего сличилъ извѣстія, содержащіяся между упомянутыми годами по всѣмъ существующимъ лѣтописнымъ спискамъ, и такимъ путемъ добылъ, какъ ему казалось, *очищенный текстъ*, который долженъ быть признанъ за подлинный текстъ Нестора. Затѣмъ изъ сего текста онъ выбросилъ всѣ годовыя показанія и цѣлый рядъ извѣстій, какъ не имѣющихъ отношенія къ обсуждаемому Сказанію. Въ остаткѣ и получилась искомая статья, содержащая будто-бы подлинную оффиціальную реляцію византійской миссіи. Ее-то авторъ и воспроизвелъ въ своемъ трудѣ, добавивъ мѣстами, для связи рѣчи, нѣкоторыя слова по личной догадкѣ и отмѣтивъ скобками три мѣста, являющіяся собственными пояснительными вставками лѣтописца.

Слѣдовало ожидать, что послѣ такого капитальнаго ремонта текста на самомъ дѣлѣ откроется путь къ совершенно новымъ выводамъ въ области варяжскаго вопроса. Оказывается, однако, что авторъ, на основаніи „возстановленнаго“ имъ чтенія, тянетъ старую пѣсню о призваніи союзомъ сѣверныхъ племенъ заморской варяжской руси, сирѣчь, шведскихъ *родсовъ* (Ruotsi, Rôds), увѣряя, притомъ, что извѣстіе объ этомъ нашей лѣтописи, какъ списанное почти буквально съ древняго историческаго акта, не можетъ уже болѣе подвергаться малѣйшему сомнѣнію. Единственная же существенная поправка, внесенная авторомъ въ традиціонную норманскую систему,—та, что подъ *русью* слѣдуетъ разумѣть не отдѣльный скандинавскій *народъ*, не особое скандинавское *племя*, какъ ошибочно будто-бы понималъ это имя лѣтописецъ, жившій въ исходѣ XI в., а призванную изъ заморя воинско-торговую *дружину* съ князьями во главѣ, состоящую преимущественно изъ шведовъ.

О крайней шаткости этой „новой, неслыханной гипотезы“, какъ

охарактеризовалъ самъ авторъ основные свои тезисы, нѣтъ надобности много распространяться. Уже С. А. Гедеоновъ высказалъ, что домыселъ о водвореніи въ Кіевѣ во время Аскольда и Дира византійской миссіи, съ греческимъ епископомъ во главѣ, не имѣетъ подъ собою рѣшительно никакой почвы. („Варяги и Русь", Спб., 1876 г., II, прим. 234). А что подъ *русью* или *росомъ* всегда и всюду понимали цѣлый могущественный народъ, цѣлое многочисленное племя, а не какой-то воинско-торговый союзъ, воинскую корпорацію, дружину, какъ утверждаетъ Н. И. Ламбинъ, это явствуетъ, хотя-бы, напримѣръ, изъ 2-й бесѣды патріарха Фотія „на нашествіе Россовъ", гдѣ, между прочимъ, выражено: „*Народъ* неименитый, *народъ* несчитаемый, *народъ*... неизвѣстный, но получившій имя со времени похода на насъ..., достигшій блистательной высоты и несмѣтнаго богатства..., *народъ*... такъ грозно и такъ быстро нахлынулъ на наши предѣлы, какъ морская волна" и пр.

Перехожу къ извѣстнымъ „Разысканіямъ о началѣ Руси" *Д. И. Иловайскаго*. Въ своей многолѣтней энергической борьбѣ съ представителями норманизма нашъ маститый историкъ побѣдоносно опрокидывалъ одно за другимъ всѣ доводы и доказательства своихъ антагонистовъ, но въ тоже время обнаруживалъ свое полное безсилье опровергнуть главнѣйшую основу норманской теоріи—свидѣтельство Древней лѣтописи о призваніи варяговъ. Правда, въ одной изъ своихъ статей, появившейся первоначально въ 1880 г., историкъ заявляетъ, что ему посчастливилось напасть на самый ключъ недоразумѣнія, вызываемаго существующимъ текстомъ лѣтописнаго извѣст[illegible] „Никто, говоритъ онъ, доселѣ не обратилъ вниманія на то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Начальной лѣтописи, по поводу посольства за-море къ варяжскимъ князьямъ, сказано: „Рѣша Варягомъ *Русь*" и пр. Стоило только какому-либо переписчику или сводчику, не разобравъ подлинника, поставить „послаша (или рѣша) къ Варягомъ *Руси*, Чудь, Словѣне" и пр., вмѣсто „къ Варягомъ *Русь*, Чюдь, Словѣне", какъ мало по малу явилась цѣлая группа такихъ искаженныхъ списковъ.... И вотъ такимъ образомъ въ суздальскомъ и позднѣйшихъ сѣверныхъ сводахъ появилась, смѣшанная въ одно, небывалая народность варяго-руссовъ". („Розыск. о началѣ Руси", стр. 465). Но, въ дѣйствительности, вопреки увѣренію автора, будто до него „никому въ голову не приходило" подмѣтить упомянутое разногласіе списковъ, профессоръ *Нейманъ* еще въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ трудѣ „О древнѣйшихъ жилищахъ Руси" привелъ варіантъ „Рѣша Варягомъ *Русь*" въ качествѣ аргумента, опровергающаго норманское ученіе Шлецера и его сторонниковъ. Однако, *М. П. Погодину* не стоило большого труда установить,

какъ онъ выразился, что „въ семъ важномъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи по всѣмъ спискамъ нѣтъ даже разночтій, кромѣ немногихъ очевидныхъ описокъ, кои рѣшительно исправляются послѣдующими словами, *въ тѣхъ же* спискахъ находящимися“ (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, II, 102 и слѣд.).

Изъ другихъ, наиболѣе видныхъ, противниковъ скандинавской доктрины *Н. И. Костомаровъ* съ присущимъ ему талантомъ постарался, подобно Д. И. Иловайскому, выяснить какъ можно нагляднѣе и убѣдительнѣе историческую и фактическую несостоятельность нашего Сказанія (Монографіи, т. XIII), но за то онъ даже и не задавался вопросомъ: нѣтъ ли въ текстѣ какой-либо порчи, по устраненіи которой, путемъ сличенія списковъ, и, вообще, пріемами филологической критики, Сказаніе явилось бы, по существу, далеко не столь несообразнымъ, какимъ оно представляется по редакціямъ его въ наличныхъ лѣтописныхъ сводахъ?

Не считалъ, повидимому, нужнымъ заняться подробнымъ критическимъ анализомъ текста Сказанія и самый ярый противоборецъ норманизма—*С. А. Гедеоновъ*. Въ своемъ образцовомъ двухтомномъ сочиненіи „Варяги и Русь“, составляющемъ результатъ тридцатилѣтняго кропотливаго и всесторонняго изслѣдованія исходнаго пункта русской исторіи, авторъ весьма успѣшно отразилъ многіе выводы приверженцевъ скандинавскаго ученія и заставилъ ихъ ретироваться изъ нѣкоторыхъ своихъ позицій, казавшихся раньше наиболѣе защищенными отъ нападокъ противнаго лагеря. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ страннымъ образомъ раздѣляетъ непоколебимое убѣжденіе своихъ антиподовъ-норманистовъ въ безспорной историчности Сказанія о призваніи варяго-руссовъ изъ-за моря, съ тою только, весьма существенною, впрочемъ, разницею, что призванные варяги были не шведы, а западные поморскіе славяне—венды. Эта славяно-балтійская теорія происхожденія руси встрѣтила, однако, должный отпоръ со стороны Д. И. Иловайскаго, разоблачившаго всю ея натянутость и гадательность. („Разыск. о началѣ Руси“, 411 и сл.). Но слѣдуетъ, вдобавокъ, обратить вниманіе и на то, что съ принятіемъ сказанной теоріи самый текстъ лѣтописнаго преданія, подлинность и неприкосновенность котораго столь увѣренно отстаивали Гедеоновъ и его единомышленники, станетъ еще болѣе несообразнымъ, нежели при истолкованіи его въ смыслѣ, благопріятномъ норманской системѣ. Достаточно лишь остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ Сказанія: „И отъ тѣхъ (варягъ) прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни (Лавр., изд. 1872 г., 19). Основатели и послѣдователи скандинавской школы находили, что настоящій сегментъ не только не представляетъ ника-

кихъ трудностей для разумѣнія, но служитъ яснымъ, непреложнымъ доказательствомъ той, по выраженію Шлецера, исторической истины, что „варяги были *норманы*, а именно *шведскіе*, что тогда, какъ и теперь еще, шведы назывались въ нѣкоторыхъ земляхъ *руссами*, и что *отъ тѣхъ* пришлыхъ варяговъ, и только *со времени* пришествія ихъ въ Новгородъ, тамошняя страна прозвалась русью, каковое названіе, однакоже, впослѣдствіи распространилось также на Кіевъ и на прочія завоеванія Рюриковыхъ потомковъ“ [1]). Такое объясненіе даннаго отрывка само по себѣ нелогично, ибо, „развѣ можно, какъ выразился Ламбинъ, по произволу принадлежать къ тому или другому роду, племени, то есть быть сегодня славянами, а завтра варягами?“ [2]). Между тѣмъ, если держаться доктрины Гедеонова, то цитированныя слова лѣтописи оказываются еще болѣе противными логикѣ, ибо, коль скоро призванные варяги были славяне, венды, то для чего же въ такомъ случаѣ лѣтописецъ подчеркиваетъ, что прежде новгородцы были славяне, давая этимъ понять, что послѣ призванія варяговъ тѣ стали какъ бы инымъ, не-славянскимъ племенемъ, и почему, спрашивается, новогордцы получили названіе русской земли отъ пришлыхъ, заморскихъ славянъ, тогда какъ русь, по утвержденію самого же Гедеонова, споконвѣку обитала на югѣ, въ Приднѣпровьѣ?

Обращаюсь засимъ къ одному изъ самыхъ авторитетныхъ въ новѣйшее время изслѣдователей древне-русской письменности, вообще, и лѣтописной литературы, въ частности,—*А. А. Шахматову*. Въ своемъ этюдѣ подъ заглавіемъ: „Сказаніе о призваніи варяговъ“ [3]) и нѣсколько позднѣе въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ“, (Спб., 1904 г.) досточтимый академикъ, признавая всю шаткость ученія норманистовъ, находитъ, однако, что противники ихъ ушли слишкомъ далеко по пути отрицанія и не пожелали увидѣть за буквой лѣтописнаго текста такіе элементы народныхъ преданій, которые не придумываются и не создаются фантазіей (364). Личное же его мнѣніе о варяго-руссахъ сводится къ тому, что, судя по многимъ даннымъ, можно считать несомнѣннымъ, что норманскія полчища, носившія названіе *русь* (Ruotsi), въ VIII—IX стол. появились въ предѣлахъ Приднѣпровья, захватили здѣсь власть и заняли первенствующее положеніе, въ качествѣ дружинниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торговцевъ, задолго до поселенія ихъ сородичей-варяговъ на сѣверѣ Россіи. „Русь,—говоритъ авторъ,—это

---

[1]) См. Шлецера „Несторъ“, I, 344.

[2]) „Источники лѣтоп. сказанія о происхожденіи Руси“, Ж. М. Н. Пр. за 1874 г., кн. 6, стр. 54.

[3]) „Извѣстія отд. рус. языка и словесности Имп. Ак. Наукъ“, т. IX, 1904 г., кн. IV, стр. 284—365.

тѣ-же норманы, тѣ же скандинавы; русь—древнѣйшій слой варяговъ, первые выходцы изъ Скандинавіи, осѣвшіе на югѣ Россіи раньше, чѣмъ потомки ихъ стали осѣдать на менѣе привлекательномъ, лѣсистомъ и болотистомъ, славянскомъ сѣверѣ. Эти вторые выходцы, потомки скандинавскаго населенія, давшаго и первыхъ выходцевъ, стали извѣстны уже не подъ именемъ руси, а варяговъ"....

Соотвѣтственно такому взгляду, авторъ усиливается возстановить и объяснить текстъ обсуждаемаго Сказанія, въ которомъ различаетъ три версіи. *Первая*—сѣверная, имѣвшая въ основѣ своей новгородское преданіе о призваніи словѣнами, кривичами и мерею варяговъ и записанная въ первой половинѣ XI в., занесена была, съ добавленіемъ и измѣненіемъ нѣкоторыхъ словъ, въ составленный, вѣроятно, около средины того же вѣка *Древнѣйшій Кіевскій лѣтописный сводъ*, въ которомъ произошло соединеніе означенной новгородской записи съ южными преданіями. Изъ этого Древнѣйшаго свода запись эта перешла въ возникшій въ самомъ концѣ того же столѣтія *Начальный Кіевскій Сводъ*, непосредственно предшествовавшій „Повѣсти временныхъ лѣтъ" и имѣвшій своимъ главнымъ источникомъ Коммиссіонный списокъ Новгородской 1-й лѣтописи. *Вторая версія*, южная, читается лучше всего въ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ спискахъ *Повѣсти временныхъ лѣтъ 1-й редакціи*, составленной въ 1116 г. игуменомъ Сильвестромъ, который, благодаря своей учености и начитанности, переработалъ новгородскую версію Сказанія, переданную въ Начальномъ сводѣ, на основѣ византійскихъ свидѣтельствъ, географическихъ свѣдѣній и мѣстныхъ южно-русскихъ преданій о шведскомъ происхожденіи прибывшихъ изъ сѣвера русскихъ князей, ихъ дружины и самого имени „русь". *Третья версія*,—тоже южная, имѣется въ *Повѣсти временныхъ лѣтъ 2-й редакціи*, составленной въ 1118 г. Она обнаруживается особенно полно въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ.

Возстановленные тексты этихъ-то трехъ версій Сказанія авторъ и воспроизвелъ въ означенномъ выше своемъ этюдѣ.

Но, относясь съ должнымъ піэтетомъ къ замѣчательнымъ, по глубокой эрудиціи, трудамъ нашего академика въ области литературы русскаго лѣтописанія, нельзя, однако, не признать, что такъ названные имъ „ученые доводы", опираясь на которые онъ считалъ возможнымъ возстановить первичный текстъ и объяснить истинный смыслъ трактуемаго Сказанія, въ сущности составляютъ лишь рядъ крайне сомнительныхъ гипотезъ. Ниже я разберу подробно одну за другою всѣ конъектуры автора, а покамѣстъ, въ видѣ образчика его работы по предмету своей темы, приведу изъ упомянутаго его этюда выдержки изъ его пространныхъ разсужденій по поводу указанной уже мною

выше фразы Коммиссіоннаго списка Новгородской 1-й л-си: „И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Роусь, и отъ тѣхъ словеть Роуская земля“.

„Интересующая насъ фраза, говоритъ А. А. Шахматовъ, если въ особенности сопоставить ее съ ея продолженіемъ, носитъ явные слѣды контаминаціи, комбинаціи двухъ сходныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположныхъ по значенію фразъ: въ одной говорилось, повидимому, о томъ, что отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвались призвавшіе ихъ Словѣне, а въ другой, что отъ тѣхъ Варягъ называлась Русская земля. Эту вторую фразу мы находимъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ; первая читалась, очевидно (?), въ Начальномъ сводѣ.... Какъ же звучала эта фраза въ сводѣ 1421 года, а также въ Начальномъ сводѣ?—Думаю, что такъ: „И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Словѣне *Варягы*“. Такое чтеніе согласуется со слѣдующею за симъ фразою и объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе Новгородской 4-й, перешедшее въ Коммиссіонный списокъ: сводчикъ скомбинировалъ возстановленную нами фразу съ фразой другого своего источника: „и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля“. Для этого слово „Словѣне“ опущено, слово „Варягы“ замѣнено словомъ „Русь“ и за симъ прибавлено: „и отъ тѣхъ словеть Руская земля“. Смыслъ возстановленной нами фразы—тотъ, что попавшіе подъ господство варяжскихъ князей Словѣне стали сами себя называть Варягами“....

Еще болѣе обстоятельному анализу приведенное мѣсто Сказанія подверглось въ вышеназванной книгѣ А. А. Шахматова: „Разысканія о древн. рус. лѣтоп. сводахъ“ (292—307). Сопоставивъ редакціи этого мѣста по разнымъ лѣтописнымъ сборникамъ, авторъ путемъ тонкихъ и сложныхъ комбинацій силится возвести каждое слово къ тому или другому воображаемому его первоисточнику, и въ результатѣ настаиваетъ на безошибочности своего прежняго утвержденія, будто въ Начальномъ сводѣ, вмѣсто: „и отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Роусь“, читалось: прозвашася Варягы (твор. падежъ), т. е. что призвавшія варяжскихъ князей племена прозвались отъ этихъ князей варягами. При этомъ А. А. Шахматовъ замѣчаетъ, что онъ встрѣтилъ возраженіе со стороны *А. Е. Пріснякова*, высказавшагося въ устной бесѣдѣ за предпочтительность чтенія: „и отъ тѣхъ Варягъ Словѣне прозвашася *Новгородьци*“, и что сначала онъ эту поправку находилъ вполнѣ пріемлемою, но послѣ продолжительныхъ размышленій возвращается снова къ чтенію „Варягы“,—по двумъ основаніямъ: Первое основаніе авторъ усматриваетъ въ послѣдующемъ лѣтописномъ разсказѣ о переходѣ въ 882 году сѣвернаго князя (Олега, resp. Игоря) изъ Новгорода въ Кіевъ. Въ этомъ разсказѣ въ Коммиссіон-

номъ спискѣ Новгород. 1-й л-си читаемъ: „и бѣша у него Варязи мужи Словѣне, и оттолѣ прозвашася Русью“; въ Троицкомъ же спискѣ той же л-си, а также въ Софійской 1-й и Новгород. 4-й имѣется: „и бѣша у него мужи Варязи Словѣне“. Въ виду того, что послѣдніе два слова не соединены между собою, какъ слѣдовало бы, союзомъ „и“, авторъ полагаетъ, что слово „Словѣне“ въ такомъ сочетаніи смотритъ вставкою и что, вѣроятно, чтеніе Древнѣйшаго Кіевскаго свода было: „и бѣша у него мужи Варязи, и оттолѣ прозвашася Русью“, изъ чего видно, что самъ этотъ сводъ уже не отличаетъ въ данномъ мѣстѣ словѣнъ (новгородцевъ) отъ вяряговъ, такъ какъ Олегъ повелъ вѣдь въ Кіевъ новгородцевъ, а между тѣмъ мужей Олеговыхъ сказанный сводъ опредѣляетъ, какъ варяговъ. Второе основаніе авторъ находитъ въ непосредственно слѣдующемъ за только-что указаннымъ мѣстомъ Комм. списка предложеніи: „Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ, и Мерямъ дань даяти Варягомъ“. Соображая нелѣпость этой фразы и неуклюжее ея построеніе, авторъ полагаетъ, что въ Древнѣйшемъ кіевскомъ сводѣ соотвѣтствующая фраза гласила: „и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери“, т. е. онъ думаетъ, что и въ настоящемъ мѣстѣ означенный сводъ отождествлялъ новгородскихъ славянъ съ варягами, почему вмѣсто: „Словѣномъ“, въ немъ поставлено было „Варягомъ“. А чтобы подкрѣпить эту догадку, авторъ сослался еще на два другихъ мѣста лѣтописи, которыхъ я здѣсь ради краткости не привожу, гдѣ „Словѣне“ и „Варяги“ стоятъ рядомъ и, слѣдовательно, указывается явственно нетождественность этихъ племенъ, но гдѣ опять-таки, по догадкѣ автора, реченіе „Словѣне“ первоначально отсутствовало, а имѣлось только слово „Варяги“, уже само собою будто-бы означавшее словѣнъ [1]).

Изъ такого же рода гипотезъ состоитъ и весь трактатъ академика Шахматова о нашемъ лѣтописномъ разсказѣ.

Въ виду неудовлетворительности предлагавшихся до сихъ поръ толкованій послѣдняго, беру смѣлость, выражаясь словами Ламбина, представить съ своей стороны „новое, неслыханное доселѣ“, объясненіе занимающей насъ повѣсти. Я постараюсь доказать, что причиною возникновенія легенды о призваніи заморскихъ варяговъ—скандинавовъ послужила нѣкоторая сбивчивость текста лѣтописнаго извѣстія и, главнымъ образомъ, слово „варязи“, вставленное въ заканчивающій космографическое введеніе къ лѣтописи перечень европейскихъ народовъ,—заимствованный, несомнѣнно, изъ еврейскаго источника, и что въ

[1]) „Разыск. о древн. рус. лѣтоп. сводахъ“, §§ 198—201, стр. 298—307.

первоначальномъ своемъ видѣ Сказаніе сообщало лишь о томъ, что новгородцы и союзныя съ ними племена, освободившись отъ иноземнаго, варяжскаго ига, отправили посольство въ полянскую Русь съ просьбою о присылкѣ имъ князя, и что послѣ вокняженія въ Новгородѣ южно-русскаго славянина Рюрика съ братьями новгородцы, называвшіеся прежде словенами, стали, подобно полянамъ, называться русью.

Для демонстраціи этихъ положеній, я и остановлюсь въ первую очередь на фразѣ, которую норманисты считаютъ краеугольнымъ камнемъ своего ученія: „идоша за море къ варягом к Русі; сице бо ся зваху тіи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свие, друзіи же Оурмане, Анъглияне, друзіи Гьте; тако и си“.

Комментируя приведенную фразу, Погодинъ говоритъ: Несторъ перечисляетъ шведовъ, норвежцевъ, англичанъ, готовъ; народы эти извѣстны подъ общимъ названіемъ норманновъ, скандинавовъ; ergo, Несторовы варяги суть скандинавы,—„это математически ясно“ [1]). Въ такомъ же духѣ высказался и датскій корифей норманской школы, проф. *В. Томсенъ*: „Для того, говоритъ онъ, кто читаетъ младенчески простодушное повѣствованіе Нестора о началѣ русскаго государства безъ предвзятаго мнѣнія и ухищренныхъ толкованій, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что имя *варяги* употреблено въ смыслѣ общаго обозначенія обитателей Скандинавіи, и что Русь есть имя одного отдѣльнаго скандинавскаго племени...“ [2]). Какъ же, однако, сладили съ поцитованною фразою противники крайняго норманизма?— Одни изъ нихъ, какъ, напр., проф. *М. А. Максимовичъ*, пытались отрицать значеніе ея въ смыслѣ отождествленія руссовъ съ варягами-норманами, утверждая, что изъ нея видно только, что лѣтописецъ считалъ варягами также и русь, изъ чего, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы руссы были и скандинавскаго племени. Другіе же признавали упомянутую фразу позднѣйшею вставкою. Интересно въ особенности толкованіе ея, предложенное *акад. Шахматовымъ*. Онъ полагаетъ, что въ первоначальномъ Сказаніи,—въ томъ видѣ его, въ которомъ оно вышло изъ-подъ пера новгородскаго книжника первой половины XI в.,—обсуждаемая фраза не упоминала вовсе о руси, а гласила: „идоша за-море къ варягомъ“, но составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ измѣнилъ первичный текстъ подъ воздѣйствіемъ южнаго преданія о варяжскомъ происхожденіи русскихъ князей. На югѣ, излагаетъ нашъ писатель, помнили, что русью назывались сначала только варяги, и что лишь впослѣдствіи имя Русь перешло на остальное населеніе Кіевской области и другихъ областей, подвластныхъ

[1]) „Изслѣд. замѣч. и лекціи о рус. исторіи“, т. II, 1846 годъ, стр. 23.
[2]) „Начало рус. государства“. Три чтенія д-ра В. Томсена. Переводъ Н. Аммона, М., 1901 г., стр. 15.

кіевскому князю. Вотъ основаніе для вставки „къ Руси“ послѣ словъ: „и идоша за море къ Варягомъ“, а также и для глоссы: „сице бо ся зваху тіи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие“ и т. д., представляющей собою ссылку на космографическое введеніе, гдѣ подъ вліяніемъ все того-же южнаго преданія имя „русь“ помѣщено между готами и англянами [1]). Такимъ образомъ, сужденія автора вращаются въ порочномъ кругу. Онъ находитъ, что составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ тенденціозно отождествлялъ русь съ варягами главнѣйше потому, что на югѣ помнили, что извѣстная часть варяговъ носила имя руси и на родинѣ, а что такое мѣстное народное преданіе дѣйствительно существовало—это лучше всего доказывается нѣкоторыми записями самой же „Повѣсти“. О цѣнности выводовъ, добытыхъ при помощи такой аргументаціи, едва-ли приходится много распространяться. По моему же, какъ замѣчено выше, представляется достовѣрнымъ, что помѣщеніе въ этнографическомъ перечнѣ названія „Руси“ среди готовъ и англичанъ, вызвавшее добавленіе и въ Сказаніи словъ: „къ Варягомъ“ передъ „къ Руси“ и пояснительной глоссы: „сице бо ся зваху тіи Варязи Русь“ и пр.,—можетъ быть объяснено исключительно лишь тѣмъ, что означенный перечень заимствованъ цѣликомъ изъ еврейскаго источника, въ которомъ имя „русь“ также поставлено среди названій шведовъ, норвежцевъ, датчанъ и англичанъ.

Источникъ этотъ—родословная таблица народовъ, происшедшихъ отъ Яфета, содержащаяся въ книгѣ „*Іосифа бенъ Горіонъ* или *Іосиппона*“,—неизвѣстнаго автора, жившаго въ X в. въ Италіи, откуда эта таблица, впрочемъ, съ значительными опущеніями, перенесена въ знакомую отчасти дѣятелямъ въ области древнерусской письменности книгу „Яшаръ“ (Sepher ha-jaschar). Въ виду интереса, представляемаго сказаннымъ отрывкомъ для средневѣковой этно-и географіи, послѣдній, начиная съ XVI стол., привлекалъ къ себѣ вниманіе европейскихъ ученыхъ, въ томъ числѣ знаменитаго польскаго историка Лелевеля, истощавшихъ всѣ усилія къ возстановленію крайне испорченнаго его текста. Въ русской литературѣ имѣются обстоятельный разборъ и переводъ означеннаго отрывка въ трудѣ *А. Я. Гаркави*: „Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ и хазарскомъ царствѣ“ (Спб., 1874 г.) и дополнительныя замѣчанія того же ученаго, изложенныя въ его рефератѣ, читанномъ въ IV Археолог. Съѣздѣ въ 1884 г., а также замѣтки *Фр. Ѳ. Вестберга*, заключающіяся въ его очеркѣ: „Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ“ (Ж. М. Н. Пр. за 1908 г., кн. 2, с. 375 и сл.) Нельзя, однако, сказать, чтобы усилія ученыхъ, направленныя къ рисшифро-

[1]) „Сказ. о призв. варяговъ“, 357—8. „Разысканія о древ. рус. лѣтоп. сводахъ“, 339—340.

ванію изуродованныхъ до-нельзя этнографическихъ терминовъ въ отрывкѣ Іосиппона о Яфетидахъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ, напрашивается мысль о возможности эмендаціи нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ посредствомъ заимствованнаго русскимъ лѣтописцемъ изъ Іосиппона, или, вѣроятнѣе, изъ книги „*Яшаръ*“, перечня европейскихъ народовъ,—подобно тому, какъ изслѣдователи находятъ возможнымъ славянскими переводами византійцевъ исправлять поврежденныя мѣста въ греческихъ хроникахъ [1]). Вотъ параллельное сопоставленіе оригинала съ извлеченіемъ изъ него:

Лѣтопись.

Афетово бо и то колѣно Варязи: (по Львовскому сп.: *А сіи Варязи именуемыи*), Свеи, Урмане, Гъте, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове *и прочіи* [2]).

Іосиппонъ.

Вотъ племена потомковъ Яфета въ странахъ, въ которыхъ они (племена эти) распространялись, по языкамъ, странамъ и народностямъ своимъ.

Сыны *Гомера* суть Франки, населяющіе страну Франца, по рѣкѣ Франса, по рѣкѣ Сена.

Рифатъ—это Бретонцы, населяющіе страну *Бретанія*, по рѣкѣ *Лера* (Лоарѣ). Рѣки же Сена и Лера изливаются въ море-Океанъ, т. е. въ великое море.

Тогарма составляетъ десять племенъ, которыя суть: Козаръ, Пацинакъ, Аликанусъ (или Анкіалусъ), Булгаръ, Рагбина (или Рагабибъ), Турки, Бузъ, Забукъ, Унгари, Тилмацъ (Далеминція). Всѣ они живутъ на сѣверѣ и страны ихъ называются ихъ же именами. Живутъ же они по рѣкѣ *Гитилъ*, т. е. Итилъ, но Унгаръ, Булгаръ и Пацинакъ живутъ по большой рѣкѣ, называемой *Дануби*.

Сыны *Явана* суть Греки, населяющіе Македонію.

Мадай—это Азарлосъ, живущіе въ странѣ *Бурсанъ* (или *Ворсанъ*).

Тубалъ—это живущіе въ странѣ *Тошкана*, по рѣкѣ *Пиша*.

---

[1]) Ср. В. С Иконникова„ Опытъ рус. исторіографіи“, т. II, кн. I, 83.

[2]) Лавр., изд. 1872 г., стр. 4. Выраженіе: „*и прочіи*“ указываетъ, что лѣтописецъ имѣлъ предъ собою болѣе пространный перечень племенъ, происшедшихъ отъ Яфета, изъ котораго онъ заимствовалъ только удобопонятныя ему названія народовъ, опустивъ названія неразборчивыя.

Мешехъ (Мосохъ)—это *Шибошни*. *Тирасъ*—это *Русишъ*, *Бошни* и *Англеси*, живущіе по великому морю. *Руси* живутъ по рѣкѣ *Кира*, текущей въ море *Гурганъ*.

Элиша—это *Алеманіа*, живущіе между горами *Юръ* и *Шебтамо*. Отъ нихъ (происходятъ): *Ломбарди*, находящіеся за горами Юръ и Шебтамо, покорившіе страну *Италію*, и поселившіеся въ ней по настоящее время, по рѣкамъ *Поо* и *Тишино*,—воды же Поо изливаются въ море *Бондекіа*,—и *Бургуніа*, живущіе по великой рѣкѣ *Родани*. Отъ нихъ (происходятъ также) *Бардіа*, живущіе по рѣкѣ *Ренусъ*, текущей въ великое море.

Таршишъ: они вступили въ союзъ съ *Македоніей*; отъ нихъ (произошли жители города) *Тарсосъ*. Когда Измаильтяне овладѣли землею Тарсосъ, то жители спаслись за границу сыновей *Явана*, воевавшихъ съ Измаильтянами въ Тарсосѣ.

Китимъ—это Римляне, живущіе въ долинѣ *Кампанія*, по рѣкѣ *Тибро*.

Доданимъ—это *Данишки*, живущіе въ городахъ, что при заливахъ моря—Океана, въ странѣ *Динамарка*, *Бардана* въ великомъ морѣ—они присягнули не покориться Римлянамъ, и укрылись въ волнахъ Океана, но все-таки не устояли, ибо власть Римлянъ простиралась до конца морскихъ острововъ.—*Галитціо, Кравати, Салки, Лицпи, Лавами, Карбадъ, Казреми* и *Базми:* (всѣ они) считаются сыновьями *Доданимъ*. Живутъ же они по морскому берегу, отъ границы *Булгари* до *Бондекіа*, откуда простираются до границы, до великаго моря; они-то и называются *Саклаби*. Нѣкоторые говорятъ, что они изъ сыновей *Ханаана*, но сами производятъ они себя отъ сыновей *Доданимъ* [1]).

[1]) А. Я. Гаркави, указ. сочиненіе, стр. 39—43.

Для убѣжденія въ томъ, что приведенное лѣтописное извѣстіе о приморскихъ и нѣкоторыхъ континентальныхъ европейскихъ народахъ почерпнуто именно изъ указаннаго еврейскаго источника, а не изъ западныхъ, латинскихъ временниковъ, какъ гадательно полагалъ *М. Т. Каченовскій*, ни „изъ употребленія“ отъ варяговъ, и отъ новгородцевъ, бывшихъ съ ними въ сношеніяхъ, какъ утверждалъ М. Н. Погодинъ,—я разсмотрю по-одиночкѣ каждое изъ перечисленныхъ въ лѣтописномъ сегментѣ племенныхъ названій, и прежде всего тѣ изъ нихъ, дублеты которыхъ сохранились у Іосиппона цѣлыми и невредимыми.

Гъте. Шлецеръ (I, 101) перевелъ: датчане, „дабы не представляли себѣ однихъ только шведскихъ готовъ“. Правильность этого перевода подтверждается Іосиппономъ, называющимъ потомками Доданимъ датчанъ (Danisci), живущихъ въ странѣ Denamarca.

Агняне, Галичане, Римляне, Нѣмци, Веньдици, Фрягове. Этимъ шести названіямъ народовъ соотвѣтствуютъ въ книгѣ Іосиппона: *Англеси, Галитціо, Ромеи* (Римляне), *Алеманіа, Бендикіа, Франки* (Французы). Замѣчу при этомъ, что А. Я. Гаркави (ук. соч., 68, прим.) напрасно съ такою рѣшительностью увѣряетъ, что подъ „Галитціо“ нужно понимать только Галичъ, Галицкую область. Шлецеръ (I, 105) и Каченовскій (Погодинъ, II, 372) подъ „Галичане“ нашей лѣтописи, или какъ читается въ Полет. спискѣ, Галиціане, разумѣли жителей сѣверной провинціи Испаніи—Галиціи, подъ именемъ которой извѣстна была и вся эта страна. Надо полагать, поэтому, что и Іосиппонъ, писавшій въ Италіи, или, какъ склоненъ думать Ф. Ѳ. Вестбергъ, въ южной Франціи, подъ „Галитціо“ имѣлъ въ виду скорѣе всего испанцевъ [1]).

Обращаюсь затѣмъ къ этнографическимъ терминамъ, которые у Іосиппона встрѣчаются въ исковерканномъ видѣ, но могутъ быть удовлетворительно возстановлены при помощи сличенія съ нашимъ лѣтописнымъ отрывкомъ.

Остановлюсь сначала на предложеніи: „**Мешехъ** (Месехъ или Мосохъ)—это *Шибошни*. **Тирасъ**—это *Русишъ, Бошни и Англеси*, живущіе по великому морю.—**Руси** живутъ по рѣкѣ Кира, текущей въ море Гурганъ“.

Названіе *Шибошни* А. Я. Гаркави предложилъ читать *Шак-*

---

[1]) Впрочемъ, въ своемъ рефератѣ, помѣщенномъ въ „Трудахъ IV Археолог. Съѣзда“ (т. I, 1884 г.) подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнографіи“, А. Я. Гаркави самъ признаетъ (§ II), что Галиція врядъ ли была извѣстна подъ этимъ именемъ уже въ IX (X) вѣкѣ“.

шини—Саксини арабскихъ писателей, или *Мошкени*—Москены, какъ жители древней Москіи. Названіе же „Бошни“ одни объясняютъ *Познань* (поляки), а другіе—*Босняк*ъ. Но Ф. Θ. Вестбергъ (у. с., 375), читая это послѣднее имя, какъ и предыдущее, *Саксини*, подразумѣваетъ подъ нимъ древнихъ саксовъ—Altsachsen, и отсюда приходитъ къ выводу, что Іосиппонъ признаетъ своихъ руссовъ за народъ, находящійся въ близкомъ родствѣ съ живущими у прибрежья океана саксами и англичанами, какъ имѣющій одного общаго съ ними родоначальника Тираса,—изъ чего слѣдуетъ, что Іосиппонъ признаетъ руссовъ норманами. Между тѣмъ, внимательное разсмотрѣніе текста показываетъ, что, *во 1-хъ*, въ словахъ „Русиш, Бошни“ буква *шинъ* (*ш*) по ошибкѣ поставлена въ концѣ перваго слова, тогда какъ она должна быть присоединена къ началу второго слова, которое поэтому должно читаться „*Шибошни*“; *во 2-хъ*, что предшествующее имя *Шибошни* при „Мешехъ“ является только ошибочнымъ повтореніемъ возстановленнаго мною имени *Шибошни* при „Тирасъ“ [1]), и *въ 3-хъ*, что „Руси“ стоитъ не на надлежащемъ мѣстѣ. Устранивъ эти погрѣшности, получимъ такое чтеніе: „Мешехъ—это Руси (а не Русишъ).—Тирасъ—это Шибошни (чит. Suiones или Sveones—лѣтописные Свие, шведы) и Англеси“. Достовѣрность этой конъектуры подтверждается тѣмъ, что, какъ указываетъ г. Гаркави (57), еврейскій путешественникъ Петахія (изъ Регенсбурга, 12 в.) называетъ хазаръ именемъ Мешехъ, а позднѣйшіе еврейскіе писатели именемъ Мешехъ обозначаютъ Россію (Московію). Отъ себя прибавлю, что взгляда на руссовъ, какъ на потомковъ Мешеха (Мосоха), держались и старинные отечественные историографы. Такъ, князь *Хильковъ* въ сочиненномъ имъ въ 1715 г. „Ядрѣ Россійской исторіи“, ссылаясь на 29 поименно названныхъ имъ писателей, говоритъ, что „Мосохъ Яфетовичъ есть праотецъ всѣхъ Москвитянъ, Руссовъ и Поляковъ“ (Шлецеръ, I, 376). Точно также академикъ *Г. Ф. Миллеръ* въ составленномъ на нѣмецкомъ языкѣ краткомъ описаніи рукописи Радзивиловскаго списка лѣтописи, замѣтилъ, что первый кіевскій князь Кій происходилъ изъ рода Яфета и колѣна Месеха (Лав. л-сь, XI—XII). Что же касается показанія, что Руси живутъ по рѣкѣ Кура, впадающей въ Георгіянское (Каспійское) море, то А. Я. Гаркави (стр. 60 и сл.) высказываетъ разныя

---

[1]) Въ данномъ отрывкѣ, какъ мнѣ представляется, находимъ ошибочное повтореніе названія еще и другого народа. А именно. Въ перечнѣ славянскихъ племенъ упомянуты сперва *Кравати* или *Кровоти*, а затѣмъ ниже, чрезъ четыре слова, *Крбад* или *Крвад*. Это послѣднее имя читается и толкуется комментаторами на разные лады: *Карпатъ*, *Марбадъ* (Моравія) *Кербаръ*, *Карбасъ* (иллирійско-хорватскія области). Но не проще ли принять это слово за варіантъ къ *Кровоти* и читать *Хорвяты*?

догадки, пытаясь объяснить, какъ могло возникнуть такое странное утвержденіе Іосиппона: путемъ ли Іезекіилева *Рошъ* и притока Куры—Аракса, по связи ли съ извѣстіями о Черноморской и Тмутараканской Руси, или со свѣдѣніями о русскихъ походахъ на Каспійскія страны? По моему же, все недоразумѣніе произошло отъ пропуска одной буквы *гимелъ* (*г*), ибо, въ дѣйствительности, Іосиппонъ сообщаетъ, что на Курѣ жили не Руси, а Груси—грузины, иберы [1]).

Далѣе, у Іосиппона, въ числѣ потомковъ Доданимъ, вслѣдъ за датчанами, готами нашей лѣтописи, названы *Бардана* или, по другому чтенію, *Ардана*. Г. Гаркави предложилъ вопросительно читать *Британія*, или же, быть можетъ, *Варанга*, или *Варанка*—Βαράγγοι. Авторы же новѣйшаго двухтомнаго совмѣстнаго труда: „Исторія евреевъ въ Римѣ", Фогельштейнъ и Ригеръ, читаютъ *Ирландія* [2]). Но русская лѣтопись подсказываетъ самое правильное чтеніе: *Нурманы*, *Урмане*, *Мурманія*, т. е. норвежцы, какъ объяснилъ Шлецеръ. Конъектура эта тѣмъ правдоподобнѣе, что послѣдненазванные авторы сами приводятъ имѣющійся въ одной изъ рукописей Іосиппона въ другомъ мѣстѣ варіантъ: „романія", который они исправляютъ въ *„норманія"*.

Затѣмъ, въ числѣ славянскихъ народовъ Іосиппонъ упоминаетъ *„Лицпи"*. З. Кассель предложилъ читать, *Лехи* (Лицки). Гаркави же думаетъ, не искажено ли это слово изъ Лузичи или Лужичи, либо изъ Лутичи. Но имя „Ляхове" лѣтописнаго отрывка, которое пропущено въ Лавр. и Ипат. сп., но въ 8-ми Шлецеровскихъ спискахъ слѣдуетъ, вмѣстѣ съ „Волохи", за названіемъ *Галичане* (Шл. I, 104), даетъ перевѣсъ чтенію Касселя.

Слѣдующее у Іосиппона названіе: *„Лавами"* Бошаръ читаетъ *Ливорни*, Кассель—Veleti или Vilcen въ Лаузитцѣ; Гаркави же догадывается, не сокращено ли это имя изъ Лугоміра—области въ южной Сербіи. Между тѣмъ, имѣя въ виду большое сходство въ начертаніяхъ евр. буквъ *мемъ* (*м*) и *тесъ* (*т*), можно съ значительною вѣроятностью допустить, что первоначальное чтеніе было не Лавами, а *„Ловоти"*, переиначенное изъ „Волоти". Послѣднее же имя равносильно названію „Волъхва" или „Волохове" лѣтописнаго перечня,

---

[1]) Еврейскій историческій писатель-Авраамъ-ибнъ Даудъ (12 в.) означаетъ Грузію, *Гургань* (Джурджанъ), библейскимъ названіемъ земли Гиргасеевъ (см. „Евр. энциклопедію" п. с. „Кавказъ").—Отнесеніе Іосиппономъ грузинъ къ потомкамъ Яфета не должно представляться маловѣроятнымъ, т. к. и Іосифъ Флавій считаетъ иберовъ, нынѣшнихъ грузинъ, яфетидами, происходящими отъ родоначальника Тубала („Іуд. Древности", I, 6, 1).

[2]) Geschichte der Juden in Rom, Berlin, 1896, I, S. 187—8.

что́ доказывается тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ, въ сочетаніи: „Волхомъ бо нашедшимъ на словѣни на Дунайскія“ (Лавр., 5), слово „Волхомъ“ замѣнено въ сп. Радзивил., Авраамки и Львов. реченіемъ „Волотомъ“. А что „Волоти“ легко могло быть видоизмѣнено въ „Ловоти“, тому примѣръ находимъ въ статьѣ о варяжскомъ пути (Лавр. 6), гдѣ въ 5-и сп., вмѣсто послѣдняго названія рѣки, поставлено первое (Шл., I 157).

Остается разсмотрѣть всего еще только одно имя народа у Іосиппона—*Казраминъ*, или, принимая букву *н* за окончаніе множ. числа, *Казрами*. А. Я. Гаркави цитируетъ, между прочимъ, чтеніе Бошара: *Кракзи*—жители города Граца въ Штиріи. Но представляется искушеніе сблизить данное имя съ лѣтописнымъ *Корлязи*. Жаль только, что значеніе и этого послѣдняго термина остается до сихъ поръ невыясненнымъ. По крайней мѣрѣ, Шлецеръ заявилъ (I, 105), что это слово во всемъ Несторѣ такъ непонятно, что онъ не дѣлаетъ о немъ никакого заключенія [1]).

Все вышеизложенное подтверждаетъ мое положеніе, что лѣтописный очеркъ европейскихъ народовъ заимствованъ изъ книги Псевдо-Іосифа,—Іосиппона. respective книги „Яшаръ“. Въ крайнемъ же случаѣ, приходится признать, что оба памятника почерпнули свои свѣдѣнія изъ одного общаго, намъ неизвѣстнаго, источника. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія построить столь важную по своимъ слѣдствіямъ теорію о норманскомъ происхожденіи Руси на томъ лишь обстоятельствѣ, что названіе ея поставлено въ лѣтописи между именами готовъ и англичанъ,—ибо въ книгѣ „Іосиппонъ“, какъ мы видѣли, руссы, согласно исправленному мною чтенію, обозначены, какъ отличный отъ англянъ и датчанъ народъ, который, судя по его происхожденію отъ Мосоха, жилъ на югѣ, а не на скандинавскомъ сѣверѣ. Но, если-бы и принять установленное Ф. Ѳ. Вестбергомъ чтеніе фразы у Іосиппона „Тирасъ—это Русишъ, Саксини (Altsachsen) и Англеси“, то и тогда отсюда далеко еще нельзя заключить о норманской національности руссовъ, такъ какъ ниже Іосиппонъ причисляетъ къ потомкамъ *Доданимъ*, кромѣ датчанъ, также и галичанъ (испанцевъ) и славянъ, между прочимъ, хорватовъ (кроатовъ) и чеховъ (*Базми*, чит.: Боми—богемцы). А вѣдь этихъ послѣднихъ никто и не вздумаетъ считать родственными датчанамъ.

Перехожу къ стоящей въ началѣ разобраннаго мною лѣтописнаго отрывка фразѣ: „Афетово бо и то колѣно *Варязи*“. Проф. *Эверсъ*, вопреки Погодину, едва-ли не первый высказалъ, что имя „варяги“ въ

---

[1]) Кругъ подъ *Корлязи* разумѣетъ западныхъ франковъ, въ отличіе отъ *Фряговъ*. (См. Погодина, I, 18—19).

данномъ мѣстѣ есть собирательное, общее имя, которымъ обнимаются *вси* исчисленные послѣ народы, а не одни только норманы (Погод., II, 95). Я позволю себѣ подкрѣпить это объясненіе посредствомъ сопоставленія даннаго мѣста съ предшествующимъ ему перечнемъ жившихъ въ нашей странѣ племенъ финскихъ и латышскихъ, который начинается словами: В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чудь и вси (си) языци: Меря Мурома, Весь, Мордъдва и т. д. (Лав., 3). Слово „Русь“ признаютъ вставкою, но на самомъ дѣлѣ оно здѣсь вполнѣ умѣстно и только должно быть дополнено словомъ „Словѣне“, которое выше, на 3-й страницѣ рукописи Лавр. л-си, поставлено, дѣйствительно, совершенно некстати между „Илюрикъ“ и „Лухнитиа“ въ заимствованномъ изъ хроники Георгія Амартола, или, вѣрнѣе, Іоанна Малалы, сегментѣ объ удѣлѣ Яфета. Смыслъ этого чтенія таковъ: Къ числу потомковъ Яфетовыхъ принадлежатъ славяне и руссы, а также нижеслѣдующіе *языци*, или, какъ названы въ другомъ мѣстѣ (Лавр. 10) тѣ же самыя финскія и летскія племена, *„иніи языци“*. Отсюда ясно, что и занимающая насъ фраза: „Афетово бо и то колѣно Варязи“, или по другому варіанту: „а се варязи именуемыи“, имѣетъ такое же точно значеніе. Какъ въ первомъ случаѣ выраженіе „языци“ или „иніи языци“ относится ко *всѣмъ*, безъ изъятія, поименованнымъ дальше племенамъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ названіе „варязи“ простирается на *вси*, перечисленные вслѣдъ за тѣмъ, европейскіе народы, потомки Яфета, за исключеніемъ, разумѣется, „руси“, каковое имя, перенесенное сюда, въ числѣ другихъ, изъ книги Іосиппона или изъ ея источника, составитель или списатель „Повѣсти“, по оплошности, упустилъ изъять, послѣ того, какъ онъ, для связи даннаго отрывка съ предыдущимъ, приставилъ упомянутую начальную фразу. [1]) Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь, такъ сказать, аутентическое толкованіе самою лѣтописью слова *варязи*: оно вполнѣ синонимно выраженію „иніи языци“ и означаетъ, вообще, инородцевъ, иноземцевъ, иновѣрцевъ, въ приложеніи, впрочемъ, только къ обитателямъ европейскихъ странъ [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ Радзивил. и Троиц. спискахъ лѣтописи слово „Русь“ изъ настоящаго мѣста исключено, хотя едва-ли это сдѣлано сознательно, ибо заодно пропущено также и имя „Агняне“, для опущенія котораго, какъ подходящаго подъ общее понятіе варяговъ, не было уже ровно никакого основанія.

[2]) Гедеоновъ указываетъ, что въ Воскр. л-си подъ 1061 г. варягами названы половцы (примѣч. 73), въ Никон. л-си подъ 1377 г.—кажется, литовскіе ратники (стр. 171), а въ Сказ. о мамаевомъ побоищѣ упоминаются дунайскіе варяги. Костомаровъ („Сочиненія“, т. VII, „Сѣвернорус. народоправства“, 22) замѣтилъ, что въ Волын. л-си къ поморью варяжскому причисляются и страны славянскія.

Послѣ вынужденной экскурсіи въ область этнографическихъ извѣстій лѣтописи, возвращаюсь къ центральному пункту Сказанія о призваніи заморскихъ князей,—къ фразѣ: „идоша за-море къ Варягомъ къ Русі. Сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие“ и т. д. *Ламбинъ* считалъ глоссу: „сице бо тіи звахуся“ и пр. вставкою, появившеюся не раньше XI в. и вызванною тѣмъ, что въ то время пришедшіе къ намъ скандинавскіе варяги, называвшіеся русью (Rôds), уже ославлянились и самое имя руси уже болѣе не означало, какъ въ концѣ XI в., дружины съ династіею, стоявшею во главѣ ея, а стало означать славяно-русскій народъ, вслѣдствіе чего слова „идоша за-море къ Варягомъ къ Русі“ сдѣлались уже непонятными, а потому жившій въ исходѣ XI в. лѣтописецъ, ошибочно полагавшій и самъ, что первоначально подъ русью разумѣлся цѣлый особый народъ варяжскаго племени, счелъ нужнымъ прибавить свое толкованіе, будто призванные варяги прежде, въ IX в., назывались русью, какъ вотъ теперь въ наше время другіе варяги называются шведами, норвежцами и пр. (ук. соч., 259 и сл.) Думаю, что крайняя натянутость этого объясненія автора сама собою очевидна. Академикъ же *Шахматовъ* признаетъ позднѣйшею вставкою не только упомянутую глоссу, но также и слова: „къ Русі“, По его мнѣнію, въ Начальномъ сводѣ стояло только: „идоша за-море къ Варягомъ“, но составителю Повѣсти вр. лѣтъ, который варяговъ отождествлялъ съ носившими названіе руси скандинавскими выходцами, овладѣвшими раньше славянскимъ югомъ, ясно было, что сѣверныя племена призвали не варяговъ, а русь, почему онъ, для согласованія своего взгляда съ данными, попавшими въ его трудъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, прежде всего рѣшилъ вставить имя руси въ перечень племенъ Яфетова рода, а затѣмъ въ Сказаніи о призваніи варяговъ къ словамъ: „идоша за-море къ Варягомъ“ прибавилъ: „къ Русі; сице бо тіи звахуся“ и пр. („Разысканія“, 339). Все это построеніе не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Изъ Повѣсти вр. лѣтъ не только не видно, чтобы составитель ея отождествлялъ вообще варяговъ съ русью, а видно какъ-разъ противное. Достаточно указать, что, по сообщенію „Повѣсти“, въ мнимомъ походѣ Олега на Царьградъ 907 г. участвовали, какъ читается у Татищева, руссы, славяне и варяги, изъ коихъ первые пользовались наибольшимъ, а третьи—наименьшимъ почетомъ, о чемъ можно судить изъ приказанія Олега своимъ воинамъ поднять парусы (по другому толкованію,—знамена): руси—шелковые, славянамъ—льняные, а варягамъ—холстинные. Притомъ же, еслибы составитель Сказаніе былъ убѣжденъ, что русь—это тѣже варяги—скандинавы, то ему, для выявленія своего взгляда, не было бы надобности „смѣло рѣшиться“, какъ утверждаетъ А. А. Шахматовъ,

сперва умышленно вставить въ этнографическомъ очеркѣ слово „Русь“, а затѣмъ, соотвѣтственно этой вставкѣ, сдѣлать въ Сказаніи многословную объяснительную глоссу; вѣрнѣе всего, что онъ, не прибѣгая къ такой процедурѣ, выразился бы коротко и ясно: „идоша за-море къ Варягомъ, рекше Руси“, подобно тому, какъ онъ въ другихъ случаяхъ выражается: „Новогородци, еже суть (или нарицаеми) Словѣни“, или „Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“. Мнѣ же, повторяю, кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что въ первоначальномъ Сказаніи варяги вовсе не фигурировали, и что трактуемая фраза гласила: „Идоша къ Руси“— и только. Это подтверждается тѣмъ, что въ непосредственно слѣдующей строкѣ въ Раздвил. спискѣ имѣется: „Рѣша *Руси*, Чюдь, Словѣни“ и пр., изъ чего явствуетъ, что послы отъ сѣверныхъ племенъ отправились именно къ Руси, а не къ варягамъ. Въ особенности-же это доказывается опущеннымъ въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ, но сохранившимся въ Воскресен. и Алтыр. спискахъ показаніемъ, что старѣйшина Гостомыслъ совѣтовалъ новгородцамъ послать для приглашенія князя мудрыхъ людей *въ руськую землю*. Откуда, однако, взялась вставка словъ: „къ Варягомъ“ и вышеозначенная глосса? По моему, это произошло такъ. Въ сочетаніи: „вРуськую землю“ предлогъ „в“ приставленъ вплотную къ слову: „Русьскую“. Вслѣдствіе же сходства по внѣшнему виду литеръ *в* и *п*, которое наблюдается въ полууставныхъ памятникахъ XV—XVI, а изрѣдка даже и XII в. [1]), вм. „вРусьскую“, можно было прочитать: *Прусскую*. А такъ какъ пруссы суть, конечно, варяги, или, что все равно, нѣмцы, т. е. иностранцы, иноплеменники, то поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ и появилось чтеніе, что послы отъ Новгорода и другихъ племенъ отправились къ варягамъ (въ Воскр. и Алат. сп.: въ Прускую землю) и что Рюрикъ съ братьями пришли „отъ Нѣмецъ“, или прямо „отъ племени Прусова“ (Шл. I, 281, 300, 333—4). Впрочемъ, судя по русской редакціи лѣтописца патріарха Никифора, составленной въ концѣ, или какъ полагаетъ А. А. Шахматовъ, въ первой половинѣ XIII в., можно заключить, что уже въ то время въ нѣкоторыхъ, не дошедшихъ до насъ, спискахъ Повѣсти врем. лѣтъ читалось: „идоша или придоша къ Варягомъ“ безъ прибавленія: „къ Руси“. И вотъ редакторъ протографа Лаврентьевскаго и сходныхъ съ нимъ сводовъ, встрѣтивъ въ однихъ спискахъ *только* „къ Руси“, а въ другихъ—*только* „къ Варягомъ“, умудрился помѣстить оба варіанта рядомъ. А чтобы осмыслить эту несообразность, редакторъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ космографическомъ введеніи „русь“ упомянута

[1]) См. *Е. Б. Карскаго:* „Изъ лекцій по слав. Кирил. палеографіи“. Спб., 1877 г., стр. 79.

въ числѣ народовъ, названныхъ варягами, прибавилъ объясненіе, что, дескать, наименованіе „варяги“ прилагается къ Руси въ такой же мѣрѣ, какъ и къ другимъ народамъ,—объясненіе въ высшей степени ошибочное, ибо мы видѣли, что въ томъ мѣстѣ „Повѣсти“, которое сводчикъ несомнѣнно имѣлъ въ виду, слово „варяги“ употреблено въ значеніи иноязычниковъ и что „русь“, если и стоитъ тамъ между свеями, англянами, урманами и т. д., то не вслѣдствіе племенного родства руссовъ съ этими народами, а лишь потому, что первые заодно съ послѣдними числятся въ таблицѣ Яфетидовъ, заимствованной изъ книги Іосиппона, или ея источника. [1])

Свое предположеніе, что въ Лавр. и сходныхъ лѣтописныхъ сборникахъ изслѣдуемая фраза составилась путемъ соединенія двухъ различныхъ варіантовъ, я подкрѣплю указаніемъ аналогичнаго примѣра изъ русской церковной исторіографіи. Существуетъ странное, весьма затрудняющее изслѣдователей, разногласіе источниковъ по вопросу: кто былъ первымъ митрополитомъ кіевскимъ? Цѣлый рядъ лѣтописныхъ сводовъ, Четьи-Миней и вообще произведеній XV и позднѣйшихъ столѣтій называютъ его Леономъ или Леонтіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ другой серіи лѣтописей, хронографовъ и иныхъ сборниковъ онъ именуется Михаиломъ. Я, по крайнему своему разумѣнію, представляю себѣ дѣло такъ: одна категорія памятниковъ повторяла извѣстіе церковнаго *устава св. Владиміра* пространной редакціи, а другая категорія—больше довѣряла неуклюжей копіи этой грамоты,—*уставу вел. князя Всеволода Мстиславича* о церковныхъ судѣхъ, гдѣ, въ началѣ имя Владиміра замѣнено именемъ Всеволода, но оставлено христіанское имя перваго—Василій, а затѣмъ, вм. фразы „отъ Фотия, патріарха царегородського, взяхъ перваго митрополита Леона Киеву“, имѣется: „взяше перваго митрополита Михаила Кѣеву“. Справщику сего послѣдняго устава, вѣроятно, казалось, что, если позволительно сообщить о взятіи Владиміромъ своего митрополита Леона отъ Фотія, умершаго за сто слишкомъ лѣтъ до общаго крещенія Руси, то не грѣшно уже написать, что и Всеволодъ, княжившій съ 1125 по 1136 г., отъ Фотія же взялъ м-та Михаила, занимавшаго, дѣйствительно, кіевскую каѳедру съ 1131 г. [2]) Какъ бы то ни было,

---

[1]) По замѣчанію Н. П. Барсова („Очерки р. ист. географіи“, 10), сообщаемыя лѣтописью свѣдѣнія о восточной и западной Европѣ „не могли быть заимствованы у греческихъ хронографовъ, которые или не знаютъ упомянутыхъ нашею лѣтописью земель, или же если и знаютъ, то подъ другими названіями. Они, очевидно, почерпнуты изъ домашняго отечественнаго источника“.

[2]) Въ своей статьѣ: „Критико-сравнит. разборъ устава в. кн. Всеволода о церков. судахъ“, напечатанной въ журналѣ „Вѣстникъ Права“

однако, всего интереснѣе то, что Степенныя книги и Никонов. лѣтопись, воспринявъ оба чтенія памятниковъ, вмѣсто одного митрополита при Владимірѣ, сочинили двухъ, назвавъ перваго Михаиломъ, а преемника его—Леономъ. Удивляться ли послѣ этого, что и составитель свода, предшествовавшаго Лаврентьевскому, а можетъ быть и самъ мнихъ Лаврентій, колеблясь въ выборѣ одного изъ двухъ варіантовъ: „идоша къ Руси“ и „придоша къ Варягомъ“, рѣшилъ слить во-едино оба чтенія. Ему, конечно, не могло и на умъ придти, что сложенная въ такомъ видѣ фраза послужитъ прочнымъ фундаментомъ теоріи объ основаніи русской державы князьями, призванными изъ какого-то небывалаго варяго-русскаго племени скандинавской, точнѣе, шведской, національности, и что эта теорія однимъ изъ первостепенныхъ представителей русской науки будетъ провозглашена догматомъ „историческаго православія“, отступленіе отъ котораго должно считаться не только научнымъ еретичествомъ, но чуть-ли не признакомъ политической неблагонадежности,—съ чѣмъ, начиная съ 1848 г., вполнѣ соглашался функціонировавшій въ то время „Негласный Комитетъ“ [1]).

Мнѣ, однако, возразятъ, что моему утвержденію, что въ первоначальномъ текстѣ нашегоСказанія говорилось только о новгородскомъ посольствѣ въ приднѣпровскую Русь, а не къ варягамъ, противорѣчитъ выраженіе „идоша *за-море*“. Отвѣчаю, что послѣднее вставлено позднѣйшими списателями, какъ это отчасти доказывается отсутствіемъ его въ Никон. л-си, хотя она не имѣетъ обыкновенія сокращать текстъ старшихъ списковъ, а, напротивъ, всегда склонна расширять изложеніе лѣтописныхъ извѣстій прибавленіемъ риторическихъ прикрасъ и выдуманныхъ подробностей событій и характеристикъ дѣйствующихъ лицъ. Вызвана же вставка, можно думать, тѣмъ, что въ подлинникѣ нѣсколькими строками выше въ сочетаніи: „изъгнаша Варяги *за-море*“ послѣднія два слова сперва ошибочно написаны были въ формѣ: „*изъ заморья*“, подъ которою, они, дѣйствительно, и читаются въ Радзивил. спискѣ, почему, въ видѣ поправки, на полѣ рукописи отмѣчено было: „за море“, но эта маргинальная замѣтка впослѣдствіи, по небрежности писцовъ, попала въ самый текстъ,—въ разбираемую мною фразу.

за ноябрь 1905 г. (стр. 10), я объяснилъ, что въ подлинномъ текстѣ устава св. Владиміра имя Фотія первоначально упоминалось не по поводу взятія Владиміромъ у константинопольскаго патріарха перваго русскаго митрополита, а по поводу принесенія Владиміромъ въ Русь т. н. Номоканона Фотія.

[1]) См въ „Зап. о-ва исторіи, филологіи и права при Импер. Варш. У-тѣ“ за 1909 г статью проф. Ѳ. Ф. *Тарновскаго*: „Норман. теорія въ исторіи рус. права“, стр. 41.

Но, если и допустить, что въ самомъ оригиналѣ имѣлось уже: „идоша за-море къ Руси“, то и тогда это не опровергаетъ моего предположенія, что подъ Русью разумѣлась здѣсь кіевская, приднѣпровская Русь. Дѣло въ томъ, что выраженіе *заморье*—переводъ библейскаго: ewer ha-jam—τὸ πέραν τῆς θαλάσσης (ср. Второзак. 30, 13). Въ по-библейской же письменности этотъ оборотъ, равно какъ и соотвѣтствующій ему терминъ „область морская“ (mdinath ha-jam) употребляется для обозначенія не непремѣнно заморской страны, а всякаго вообще зарубежнаго края. Точно также и по-русски *заморье* обозначаетъ не исключительно заморскую страну, но вообще чужую сторону, а идти *за-море* значитъ: отправиться за-границу, въ чужіе края (Даль). Поэтому, нельзя сказать, чтобы къ посольству новгородцевъ къ Руси вовсе невозможно было примѣнить выраженіе „идоша за-море“.

Обращаюсь къ другому затруднительному мѣсту Сказанія: „И избрашася три братья съ роды своими *и пояша по себѣ всю Русь*“. Послѣдняя фраза подвергалась многоразличнымъ толкованіямъ. *Погодинъ* (II, 241—2), ничтоже сумняшеся, понималъ ее буквально и воспользовался ею, какъ доводомъ для опроверженія теоріи Эверса о хазарскомъ происхожденіи Руси. „Рюрикъ, говоритъ Погодинъ, привелъ съ собою всѣхъ руссовъ. Почитая Рюрика скандинавомъ, мы имѣемъ полное право предполагать скандинавское племя Руси малочисленнымъ; предполагать же малочисленнымъ племя козарское—Русь,... невозможно“. Противъ такого пониманія нашей фразы горячо возсталъ *Ламбинъ*, краснорѣчиво доказывая, что нельзя себѣ и представить, чтобы цѣлое скандинавское племя рѣшилось покинуть свою исконную родину, и вслѣдъ за своими князьями, какъ пчелы за матками, переселиться за-море въ чужую и неизвѣстную страну, и что, съ другой стороны, немыслимо, чтобы племена, нуждавшіяся въ князьяхъ, согласились принять, вмѣстѣ съ послѣдними, цѣлый иноплеменный народъ, хотя-бы и самый немногочисленный. Поэтому, Ламбинъ объясняетъ слово „Русь“ въ данномъ случаѣ, какъ и раньше при истолкованіи фразы: „идоша за море къ варягамъ къ Руси“, въ смыслѣ дружины, называвшейся Русью (Rods). *Гедеоновъ*, въ свою очередь, находилъ, что „Несторъ, будучи непоколебимо убѣжденъ, что „варяжская династія не туземная, но призванная откуда-то изъ варяжскаго поморья“, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что здравый смыслъ не можетъ помириться съ исчезновеніемъ, тотчасъ послѣ призванія, варяжской Руси изъ ея первобытной приморской отчизны, придумалъ, будто призванные князья привели съ собою *сполна* изъ заморія *все* варяго-русское племя. „Этою, конечно, нехитрою уловкою“, говоритъ Гедеоновъ,—устранялась возможность нескромныхъ вопросовъ о небывалой заморской Руси“ (II, 463). Почти также высказался и акад. *Шахматовъ*. По его догадкѣ, состави-

тель Пов. вр. лѣтъ, проводя свою тенденціозную теорію о тождествѣ руси и варяговъ, исправилъ слова Начальнаго свода, читаемыя въ Ком. сп. Новгор. 1-й л-си: „пояша со собою *дружиноу многоу*“ на „пояша по себѣ *всю Русь*“,—поправка любопытная: ею устранилось возможное возраженіе, что руси нѣтъ теперь (во время лѣтописца) среди племенъ, живших на Варяжскомъ морѣ: она *вся* безъ остатка переведена въ славянскія земли („Разыск.“, 340).

Не вдаваясь въ разъясненіе несостоятельности каждаго изъ приведенныхъ толкованій въ отдѣльности, укажу на то, что всѣ они, вмѣстѣ взятыя, рѣшительно непріемлемы, потому собственно, что слова: „пояша по себѣ всю Русь“, по лексическому ихъ смыслу, не значатъ вовсе: взяли съ собою всю русь, а означаютъ: подчинили себѣ, покорили подъ себя всю русь. Такимъ образомъ, оказывается, что въ главнѣйшемъ источникѣ русской исторіи,—Древней лѣтописи, нѣтъ и помину о томъ, что первые князья привели съ собою цѣлое, чуждое туземному населенію, племя, либо многочисленную дружину, а повѣствуется лишь о прибытіи князей съ ихъ родами (семействами) или „домами“,—что̀ отчасти напоминаетъ извѣстіе о прибытіи изъ Кіева въ Новгородъ Владиміра Святославича съ своимъ дядею Добрынею. Какъ же, однако, быть съ нашей фразой? Судя по ней, выходитъ, что призванные князья подчинили себѣ не сѣверныя племена, ихъ пригласившія, а свое же, жившее неизвѣстно гдѣ именно за-моремъ, родное племя, называвшееся Русью, а это вѣдь ужъ совсѣмъ нелѣпо. Чтобы дознать, какъ же появилась здѣсь сказанная фраза, надо имѣть въ виду, что, если въ Коммиссіонномъ спискѣ, будто-бы отражающемъ Начальный сводъ, можно наблюдать, по замѣчанію А. А. Шахматова, наличіе вынесенныхъ на поля и вписанныхъ надъ строкою поправокъ, которыя въ другихъ спискахъ Новгородской 1-й л-си включены въ самый текстъ, то въ большинствѣ статей Повѣсти вр. лѣтъ, по Лавр. списку, до 1054 г. встрѣчаются отдѣльныя слова и фразы, попавшія въ текстъ изъ другихъ мѣстъ самой же „Повѣсти“, гдѣ онѣ, очевидно, стояли первоначально въ видѣ маргинальныхъ приписокъ, какъ это мною обстоятельно доказывалось въ прежнихъ моихъ посильныхъ работахъ. Полагаю, поэтому, что и трактуемая фраза очутилась въ срединѣ текста статьи подъ 862 г. только по ошибкѣ писцовъ и что въ протографѣ Лавр. свода она стояла въ самомъ концѣ той же статьи, гласящемъ: „Аскольдъ и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги съвокуписта, и *начаста владѣти Польскою землею*“ (Лавр., 20). Вотъ здѣсь-то, думаю, на полѣ имѣлась приписка соотвѣтствующаго подчеркнутымъ словамъ разночтенія: „пояша по собѣ всю Русь“. Изъ этого до наглядности явствуетъ вся безпочвенность вывода акад. Шахматова, будто авторъ „Повѣсти“

проникнутъ былъ убѣжденіемъ въ тождествѣ руси и варяговъ. На самомъ же дѣлѣ послѣдній, какъ вездѣ, такъ и въ данномъ случаѣ, подъ Русью *въ тѣсномъ смыслѣ* неизмѣнно разумѣетъ Польскую (Полянскую) землю,—Кіевщину, и самымъ рѣшительнымъ образомъ отличаетъ ее отъ варяговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что не составитель Повѣсти, для проведенія своей предвзятой теоріи о скандинавскомъ происхожденіи руси, прибѣгалъ намѣренно къ переиначиванію текста Начальнаго свода, существенныя черты котораго сохранились, какъ утверждаетъ акад. Шахматовъ, въ Коммиссіонномъ спискѣ, а наоборотъ справщики сего послѣдняго, равно какъ и родственныхъ ему списковъ, имѣя предъ собою сводъ, гдѣ фраза: „пояша *по собѣ* всю Русь“ ошибочно поставлена не на должномъ мѣстѣ и вслѣдствіе того не даетъ удовлетворительнаго смысла, самовольно переправили ее на: „пояша *со собою* дружиноу многоу“.

Разсмотримъ теперь двукратно уже цитированное мною предложеніе, являющееся самымъ невразумительнымъ и несообразнымъ во всемъ Сказаніи: „И отъ тѣхъ Варягъ находникъ (находниковъ) прозвашася (прозвася) Роусь и отъ тѣхъ словеть Роуськая земля, и соуть Новгородьстии людье и до днешьняго дне отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словени“. Выше мною приведены выдержки изъ обширныхъ объясненій этого мѣста, предложенныхъ А. А. Шахматовымъ. Краткій смыслъ длиннаго комментарія высокоуважаемаго академика заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что въ Начальномъ сводѣ читалось: „И отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвашася Словѣне *Варягы*“, т. е. отъ призванныхъ князей новгородцы переименовались въ варяги, и что слова: „Роусь“ и „отъ тѣхъ словетъ Роуская земля“, а также: „преже бо бѣша Словени“ составляютъ поправку, внесенную творцомъ Повѣсти вр. лѣтъ. Между тѣмъ, сличеніе списковъ и критическій анализъ настоящаго предложенія показываютъ, что безтолковость его произошла единственно отъ неисправности текста. Такъ, слова: „*Варяговъ находниковъ тѣхъ*“ несомнѣнно здѣсь излишни и неумѣстны. Это потому, что слово *находники*, какъ мнѣ представлялись уже не разъ случаи указывать, будучи производнымъ отъ реченія *находъ*, значитъ: самоуправцы, насильники, причемъ я обратилъ вниманіе на то любопытное обстоятельство, что знаменитый комментаторъ Библіи и Талмуда,—*Раши*, жившій въ XI в. во Франціи, объясняя встрѣчающееся въ Талмудѣ чужеязычное слово Pharhang, равносильное еврейскому „нохри“, чужестранецъ, иноплеменникъ,—приводитъ его побочное значеніе: „мучитель, притѣснитель“ [1]), тогда какъ

[1]) „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей“, Кіевъ, 1910 г., стр. 206—7.

въ данномъ мѣстѣ нашей лѣтописи предикатъ: притѣснители, насильники совсѣмъ не приложимъ къ варяжскимъ князьямъ, добровольно приглашеннымъ для водворенія законности и порядка. Лучшимъ, однако, доказательствомъ вставочности означенныхъ словъ служитъ то, что ихъ и нѣтъ вовсе въ Лавр. сп., гдѣ читается: „И отъ тѣхъ прозвася Руская земля“. [1]) Можно даже догадываться, откуда они взялись. Въ самомъ началѣ статьи подъ 862 г. говорится: „Изъгнаша варяги за море“. Весьма вѣроятно, что здѣсь на полѣ имѣлась приписка, въ видѣ варіанта къ слову „варяги“, словъ *варязъ находниковъ*, которыя потомъ перемѣщены въ самый текстъ разбираемаго предложенія.

Кстати, коснусь тутъ же еще одного близкаго предложенія нашего Сказанія, гдѣ упоминаются снова „находники—Варяги“: „И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первии населници въ Новѣгородѣ Словени, и въ Полотьскѣ Кривичи“ и т. д. Обыкновенно слово *находници* передаютъ: пришельцы, но въ дѣйствительности слова: „находници—Варязи“ здѣсь неумѣстно вставлены и должны быть перенесены вверхъ въ начало статьи подъ 859 г.: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюдь и на Словѣнехъ“ и пр.,—въ видѣ варіанта къ слову *Варязи*. При такомъ чтеніи получается вполнѣ правдоподобный, исторически мыслимый разсказъ: заморскіе варяги, чужестранцы—насильники, брали дань съ сѣверныхъ племенъ, но послѣднія, возставши, изгнали тѣхъ находниковъ, мучителей, за-море и отправили посольство для выбора князя къ своимъ славянскимъ сородичамъ—въ приднѣпровскую Русь. Варяги же, если впослѣдствіи и призывались новгородцами и кіянами, то только въ качествѣ наемныхъ дружинъ, причемъ, по минованіи въ нихъ надобности, ихъ заставляли убираться во-свояси.

Продолжаю засимъ начатый разборъ вышеозначеннаго предложенія.

Удаливъ пристегнутое къ нему, по недосмотру переписчиковъ, выраженіе: „находниковъ-варяговъ“, слѣдуетъ еще „выписать вонъ“ и неумѣстно приплетенныя къ слову „Новогородьци“ слова: „отъ рода Варяжьска“. Что предъ нами явный абсурдъ—это признается всѣми, за исключеніемъ развѣ крайнихъ норманистовъ, которымъ не только каждый листъ, но и каждое слово лѣтописи кажется чуть-ли не святымъ. Вопросъ лишь въ томъ, *гдѣ* первоначально стояли только-что указанныя слова? По моему, они дополняли фразу: „И бяста у него (Рюрика) 2 мужа не племени его, ни боярина“. Объ

---

[1]) Въ рукописномъ хронографѣ Е. В. Барсова, вм. „и отъ тѣхъ варягъ находниковъ“, имѣется: „и отъ тѣхъ мѣстъ“, т. е. съ того времени (Гиляровъ, 111, лит. *м*.).

этомъ можно заключить изъ того, что и Коммиссіонный, и Архангелогородскій списки означенныхъ мужей, т. е. Аскольда и Дира, прямо называютъ двумя варягами. Акад. *Шахматовъ* по сему поводу замѣтилъ, что „народное преданіе помнило объ Аскольдѣ и Дирѣ не только то, что при нихъ Кіевъ взятъ Олегомъ и что они имъ были убиты, но какъ будто (?) еще и то, что они были варягами“ („Разыск.“, 320). Догадка эта схвачена изъ воздуха, ибо и весь эпизодъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, какъ доказываетъ Д. И. Иловайскій („Разыск.“ 59), весьма сомнительнаго свойства. Но, какъ бы то ни было, существовало-ли въ дѣйствительности народное преданіе о варяжскомъ происхожденіи сказанныхъ мужей, или же свѣдѣніе объ этомъ, сообщаемое названными лѣтописными списками, измышлено составителемъ Древнѣйшаго Кіевскаго, либо Начальнаго свода, по терминологіи А. А. Шахматова,—въ томъ и другомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что это же свѣдѣніе имѣлось и въ Пов. вр. лѣтъ, такъ какъ нельзя даже придумать основанія, почему оно было бы здѣсь сознательно, намѣренно опущено. Такимъ образомъ, изслѣдуемое предложеніе, освобожденное отъ вторгнувшихся въ предѣлы его чужеземцевъ—варяговъ, представится въ такомъ видѣ: „И отъ тѣхъ люди Новогородьци прозвашася суть Руская земля, преже бо бѣша Словѣни“, т. е. отъ тѣхъ (прибывшихъ изъ Руси князей) жители новгородской области стали называться русскою землею; прежде же они назывались словенами. Выраженіе же: „Русская земля“ замѣняетъ здѣсь слово *русь*, которое въ обширнѣйшемъ смыслѣ означаетъ всѣхъ вообще славянъ русскаго материка. А что дѣйствительно Новгородъ въ политическомъ отношеніи рано сталъ называться русью,—видно хотя-бы изъ словъ лѣтописи подъ 977 г.: „а Ярополкъ посадники свои посади въ Новѣгородѣ и бѣ володѣя единъ *въ Руси*“ [1]).

Представленнымъ объясненіемъ даннаго сегмента я могъ бы ограничиться. Но, начиная съ Шлецера, приверженцы норманской теоріи не переставали ссылаться на то, что лѣтопись не только въ разсмотрѣнномъ мѣстѣ, но и при разныхъ другихъ случаяхъ подчеркиваетъ, что имя *русь* началось, *во 1-хъ*, лишь *со времени* пришествія въ Новгородъ Рюрика и, во 2-хъ, *отъ* прибывшихъ съ призванными князьями заморскихъ варяго-руссовъ: „Сіи два положенія, замѣтилъ

[1]) Ср. Гедеонова, 438. Указаніе изслѣдователей, что еще въ Русской Правдѣ различается русинъ отъ словенина, по моему, основано на недоразумѣніи. Въ цитированномъ выше трудѣ моемъ: „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей“ (205) я доказывалъ, что „Словенинъ“ испорчено изъ „селянинъ“, а „Русинъ“—ничто иное, какъ поставленный не у мѣста варіантъ къ стоящимъ нѣсколько ниже словамъ: „Микифоръ Кыянинъ“.

Шлецеръ, ... нѣкоторые списки многократно повторяютъ, какъ будто боясь, чтобы ихъ не поняли“ (I, 342). Поэтому, нельзя оставить безъ вниманія и всѣ остальныя лѣтописныя извѣстія, гдѣ встрѣчается выраженіе: „прозвася Русь“,

На первомъ планѣ стоитъ начало лѣтосчислительной статьи 852 года: „Въ лѣто 6360, индикта 15 (день), наченшю Михаилу царствовати, *начася прозывати Руская земля*. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ“ (Лав., 17). *Гедеоновъ* полагалъ, что нѣтъ никакой логической связи въ словахъ: „русское имя началось при Михаилѣ, ибо намъ извѣстно, *что* при немъ русь приходили въ Царьградъ“, какъ переводятъ Шлецеръ, Погодинъ, Кругъ и Куникъ. Вотъ почему онъ передаетъ смыслъ лѣтописныхъ словъ такъ: „Въ царствованіе Михаила, земля наша начала прозываться Русью; мы же узнали (догадались) объ этомъ (т. е. о томъ, что при Михаилѣ русская земля стала именоваться Русью), *потому*—что (яко) при этомъ царѣ.... греческая лѣтопись упоминаетъ о руси впервые по случаю похода на Царьградъ“ (460). Мнѣ кажется, однако, что и послѣдній перевод̣ъ далеко не удовлетворителенъ. И на самомъ дѣлѣ, нѣтъ основ̣нія приписывать лѣтописцу такую, фактически невѣрную, мысль, бу дто русское имя началось лишь въ царствованіе Михаила, ибо уже договоры Олега и Игоря даютъ понять, что „Русь“ подъ этимъ своимъ именемъ существовала и находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей еще до эпохи т. н. призванія князей и до похода на Царьградъ [1]). Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы показаніе о началѣ русскаго имени въ IX в. составитель Повѣсти вр. лѣтъ считалъ возможнымъ основывать на первомъ поминѣ о Руси у византійскаго хрониста, который, какъ выражается и самъ Гедеоновъ, не зналъ и не говорилъ ни слова о ея происхожденіи. Между тѣмъ, неясность обсуждаемаго отрывка происходитъ и здѣсь лишь отъ испорченности его текста, составившагося путемъ спайки трехъ предложеній, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Одно изъ нихъ, дѣйствительно, читавшееся въ подлинникѣ, гласило: „Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, тѣмже отселе почнемь и числа положимъ“—и точка. Другое же предложеніе: „О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари“ и т. д. до конца, очевидно, вставлено. Это доказывается тѣмъ, что оно въ спискахъ Пол. 1 и 2, Ник., Воскр., Твер. и Соф. 1-й помѣщено не подъ 852, а подъ 866 г.—предъ разсказомъ о нападеніи руссовъ на Царьградъ: „В

[1]) Ср. мотивировку у Д. И. Иловайскаго—„Разысканія“, 10.

лѣто 6374 бысть во Грѣцѣхъ царь именемъ Михаилъ и мати его Ѳеодора (въ нѣк. сп. ошибочно: Ирина), иже проповѣдаша поклоненіе святымъ иконамъ въ 1 недѣлю поста. О семъ бо увѣдѣхомъ, яко при семь Цари" и пр. до: „в лѣтописаніи гречестѣмъ". Но и на этомъ послѣднемъ мѣстѣ наше предложеніе стоитъ совершенно некстати, потому что оборотъ: „о семь бо увѣдахомъ" обыкновенно употребляется составителями лѣтописныхъ сводовъ лишь тогда, когда они не могутъ подкрѣпить своихъ сообщеній о какомъ-либо фактѣ или событіи ссылкою на ясное, положительное свидѣтельство письменнаго источника, а основываютъ таковыя только на собственныхъ комбинаціяхъ, личныхъ своихъ догадкахъ, либо на неопредѣленной молвѣ; [1]) въ данномъ же случаѣ въ поименованныхъ спискахъ приводится тутъ же точное извѣстіе о нападеніи руссовъ на Константинополь, заимствованное буквально изъ византійской хроники, почему выраженіе: „о семь бо увѣдѣхомъ",—едва-ли умѣстно и, по меньшей мѣрѣ, вполнѣ излишне [2]). Куда же, однако, отнести занимающее насъ предложеніе?—Думаю, что оно составляетъ клочокъ стоявшаго первоначально въ концѣ статьи 858 г. сегмента, два другихъ обрывка котораго втиснуты невпопадъ въ текстъ Сказанія по редакціи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ. Первый изъ этихъ двухъ отрывковъ въ Твер., Соф. 1-й, Новгор. 4-й и др. гласитъ: „При сего Михаила царствѣ, идоша за море" и пр., а въ Никон. (подъ 859 г.): „При Михаилѣ и Василіи царема и при Фотіи патріарсѣ пріидоша Словѣне, рекше Новогородци.... Варягомъ" и пр. Вставочный характеръ этихъ словъ мнѣ представляется несомнѣннымъ, такъ какъ самъ по себѣ разсказъ о посольствѣ къ варягамъ не даетъ ни малѣйшаго повода къ воспоминанію при этомъ о царствованіи Михаила III, а тѣмъ менѣе еще

---

[1]) Такъ, напр., въ трактуемой статьѣ 862 г.,—о призваніи князей,—за словами: „И прия Рюрикъ власть всю единъ", въ Псковской 1-й л-си говорится: „а о Плесковѣ градѣ *отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто...*, *токмо увѣдѣхомъ*, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словѣне княжити, попеже повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Олгу отъ Плескова". Или: о Кіѣ составитель Ипат. л-си высказывается: „и приходившю ему къ царю не свѣмы, но *токмо о семъ вѣмы*, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ есть отъ царя, котораго не вѣмъ и при которомъ приходи цари" (Ип., изд. 1871 г., 6).

[2]) Вставочность предложенія: „О семъ бы увѣдахомъ" и пр явствуетъ изъ того, что оно отсутствуетъ, между прочимъ, и въ рукописи Ундольскаго, гдѣ читается: „Бысть въ грѣцехъ царь, именемъ михаилъ, и мати его ирина. Пишеть же ся въ грѣческомъ летописани, яко при семъ михаиле пріходиша русь на греки на царьградъ (Гиляровъ, 102, лит. *л*).

о патріаршествѣ Фотія; въ особенности же выраженіе: „при *сего* Михаила царствѣ“ прямо обнаруживаетъ, что оно перенесено изъ такого мѣста, гдѣ непосредственно предъ тѣмъ шла рѣчь о царѣ Михаилѣ. Второй обрывокъ заключаетъ въ себѣ первыя четыре слова сегмента Сказанія: „*По дъвою же лѣту* Синеусъ умре и братъ его Труворъ“. Въ Никон. л-си этихъ четырехъ словъ нѣтъ, да они и несообразны, ибо лѣтописецъ въ аналогичномъ разсказѣ о смерти двухъ братьевъ Кія не сообщаетъ о времени ихъ кончины; откуда же онъ могъ почерпнуть маловѣроятное свѣдѣніе объ одновременной смерти двухъ братьевъ Рюрика ровно черезъ два года послѣ прибытія ихъ на сѣверъ? Все это показываетъ, что означенныя слова здѣсь ненадлежаще вставлены.

И вотъ, сложивъ всѣ три приведенныхъ обрывка и дополнивъ ихъ одною, видимо пропущенною, фразою, получимъ сегментъ, составляющій продолженіе статьи 858 г.—о крещеніи болгарскаго князя и его вельможъ:

„Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изыде.... на Болгары. Болгаре же.... креститися просиша.... Царь же крести князя ихъ и боляры вси.... [По дъвою же лѣту] [при *сего* Михаила царствѣ (вар.: при Михаилѣ и Василіи царема) и при Фотіи патріарсѣ] (*крестишася Русь*). [О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмъ].

Въ пользу достовѣрности такого чтенія говоритъ слѣдующее: *Во 1-хъ*, невозможно допустить, что лѣтописецъ, сообщая дважды о крещеніи Болгаръ (подъ 858 и 869 годами), не обмолвился ни единымъ словомъ о первомъ массовомъ крещеніи руссовъ, тогда какъ объ этомъ, столь важномъ для всего славянства, событіи даже болгарскій переводчикъ хроники Манассіи не преминулъ упомянуть, отмѣтивъ на полѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описываются царствованія императоровъ Михаила III и Василія Македонянина: „*при семъ* Михаилѣ ц҃ри и при матери его, крестишася Блъгаре́, и дальше: „*при семъ* Василіи ц҃ри крестишася Роуси“, а равно въ сербскомъ „Сказаніи вкратцѣ сущіимъ отъ Адама“ и пр. при сообщеніи о времени царствованія Михаила замѣчено: „*при семъ* Роуси крестишисе и быше христіане“ [1]). *Во 2-хъ*, въ послѣднее время принято, что крещеніе болгарскаго царя Бориса (Богора) произошло въ 864 г. [2]),

---

[1]) Переводъ Манассіиной лѣтописи А. Д. Черткова въ „Русск. историч. сборникѣ“, т. VI, стр. 97, 101 и 159.

[2]) См. Еп. Киріона: „Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси“, Тифлисъ, 1910 г., стр. 201.

первое же крещеніе руссовъ послѣдовало въ 866 году, такъ, что выраженіе: „по дъвою же лѣту“—вполнѣ вѣрно. *Въ з хѣ*, при установленномъ мною чтеніи текстъ даетъ ясный, удобопонятный смыслъ. А именно: изъ византійскихъ хронистовъ одни относятъ крещеніе руси къ царствованію Михаила и ко времени патріаршества Фотія, а другіе показываютъ, что оно совершилось при импер. Василіѣ и патр. Игнатіѣ. Составитель Повѣсти вр. лѣтъ примкнулъ къ первымъ писателямъ, и свое воззрѣніе мотивируетъ такъ: „О семь бо увѣдахомъ“, т. е. о томъ, что крещеніе руси случилось при Михаилѣ и при Фотіѣ, мы узнали (заключили) изъ того, что при этомъ царѣ было нашествіе руссовъ на Царьградъ, какъ пишется въ греческомъ временникѣ (подразумѣвается хроника продолжателя Амартола). Никоновская же л-сь, желая, по своему обыкновенію, согласовать оба разнорѣчивыя извѣстія, отнесла крещеніе къ соцарствію Михаила и Василія, когда, притомъ, патріаршій престолъ еще занятъ былъ Фотіемъ,— и на сей разъ поступила правильно, ибо, по основательнымъ выводамъ м-та Макарія, обращеніе русскихъ предковъ, дѣйствительно, совершилось не раньше и не позже второй половины 866 г., когда Василій уже былъ соправителемъ Михаила [1]).

Остается засимъ только объяснить, откуда попало въ начальный сегментъ хронологическаго перечня подъ 852 г. выраженіе: „нача ся прозывати Руская земля“, предшествуемое фразою: „наченшю Михаилу царствовати“. Для этого слѣдуетъ принять въ соображеніе сказанное Шлецеромъ о надписяхъ или заглавіяхъ русскихъ древнѣйшихъ временниковъ по различнымъ спискамъ. „Рукописи сихъ временниковъ, говоритъ онъ, имѣли одинаковую участь съ азбуками и другими ученическими книгами: первые листы въ нихъ вырваны..., у многихъ списковъ не осталось заглавій, а если въ которыхъ и остались заглавія, то они очень различны“. Къ сему нужно прибавить, что, съ другой стороны, въ иныхъ спискахъ, сверхъ общихъ заглавій, имѣются особыя надписанія, стоящія предъ отдѣльными статьями; въ сп. же Полет., Воскрес., Твер. и Соф. 1-й имѣются особыя заглавія какъ-разъ предъ указанною статьею 852 г. Въ виду изложеннаго, можно смѣло предположить, что обсуждаемое выраженіе составляетъ клочокъ вынесеннаго въ подлинникѣ на поле заглавія, сходнаго съ тѣмъ, которое читается въ самомъ началѣ Воскр. и Твер. сп., но пропущено въ Лавр., Радзивил. и Ипат. сп.: „Книга, глаголемая Временикъ (хронографъ), сіи рече Лѣтописець Рускій, и отъ негоже времени *начатъ прозыватися Руская земля*“. Здѣсь послѣд-

---

[1]) „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, изд. 2-е, Спб., 1868 г., стр. 244 и сл.

нія слова, подобно фразѣ: „откуда руская земля стала есть“, конечно, означаютъ лишь то, что Временникъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе о томъ, какъ отдѣльныя славяно-русскія племена, и, въ частности, новогородцы, соединившись въ одинъ политическій союзъ, образовали русское государство, и какъ, наряду со своими племенными наименованіями, они въ совокупности стали называться „русскою землею“, но никоимъ образомъ приведенныя слова не значатъ, будто само имя *русь* заимствовано отъ какого-то иноземнаго, варяжскаго народа, носившаго и въ своемъ отечествѣ названіе руси.

Второе, по порядку, мѣсто, гдѣ встрѣчается интересующее насъ выраженіе,—находится въ Лавр. сп. въ статьѣ 882 г., гдѣ читаемъ: „И бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи *прозвашася Русью*“. Акад. *Шахматовъ*, держась настойчиво проводимаго имъ въ упомянутыхъ выше его трудахъ взгляда, что въ Ком. сп. Новгор. 1-й л-си отразились наиболѣе рельефно главнѣйшія черты Начальнаго свода, послужившаго источникомъ при составленіи Повѣсти вр. лѣтъ, и что редакторъ послѣдней расширилъ ее разнаго рода вставками и внесъ въ редактируемый текстъ различныя поправки своего оригинала, находитъ, что и приведенное только-что мѣсто Повѣсти представляетъ собою видоизмѣненіе соотвѣтствующаго мѣста названнаго свода. Въ послѣднемъ, полагаетъ нашъ ученый, читалось, какъ и въ Коммис. сп.: „и бѣша у него *мужи* Варязи и Словѣне, и оттолѣ прозвашася Русью“, т. е. варяги и словѣне прозвались русью только съ тѣхъ поръ, какъ они въ качествѣ дружинниковъ варяжскаго князя, переселились съ нимъ на югъ, въ Кіевъ; но составитель Повѣсти, подъ вліяніемъ своей предвзятой теоріи о тождествѣ руси и варяговъ, подвергъ означенную фразу измѣненію: выкинулъ слово: „*мужи*“ и прибавилъ: „*и прочи*“. „Смыслъ поправки, продолжаетъ А. А. Шахматовъ, ясенъ: Варяги, призванные Словѣнами, назывались искони Русью; Русью же назвались призвавшіе ихъ Словѣне; когда же Варяги и Словѣне перешли съ сѣвернымъ княземъ въ Кіевъ, и прочіе (т. е., между прочимъ, и Поляне) стали называться Русью“ [1]).

Думаю, однако, что означенныя сужденія лишены твердаго основанія. Такъ, невѣрно, будто составитель Повѣсти вр. л. сознавалъ, что варяги искони назывались русью; напротивъ, за исключеніемъ фразы: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“, происхожденіе которой указано мною выше, и сочетанія въ концѣ статьи 898 года: „отъ Варягъ бо прозвашася Русью“, которое будетъ разсмотрѣно мною вслѣдъ за симъ,—на всемъ пространствѣ Повѣсти варяги

[1]) „Сказ. о призв. варяговъ“, стр. 306, 307 и 359. „Разысканія о древ. рус. лѣтоп. сводахъ“, стр. 299 и 304.

самымъ рѣшительнымъ образомъ различаются отъ руси [1]). Въ особенности же неосновательнымъ представляется утвержденіе, будто составитель Повѣсти вр. л. сознательно вставилъ выраженіе „и прочи“, отсутствующее будто-бы въ Ком. сп. Новгор. 1-й л-си и, слѣдов., не читавшееся и въ Начальномъ сводѣ,—ибо самъ же акад. Шахматовъ въ своихъ „Разысканіяхъ“, изданныхъ въ 1908 г., указываетъ (299), что это выраженіе не только имѣется въ Толст. и Троиц. сп. той же л-си, но и въ Коммис. сп. приписано надъ строкою [2]). Не говорю уже о томъ, что это же выраженіе находимъ въ л-сяхъ Никон., Твер., Воскр. и Соф. 1-й. Такимъ образомъ, достоуважаемый авторъ и на сей разъ впалъ въ ту же ошибку, какую онъ допустилъ, какъ замѣчено выше, при обсужденіи фразы: „пояша по себѣ всю Русь“. Какъ во второмъ, такъ и въ первомъ случаѣ, не Повѣсть вр. лѣтъ исправляла текстъ предшествующаго ей лѣтописнаго свода, отображаемаго въ Коммис. спискѣ, а напротивъ, лѣтописные своды, явившіеся послѣ Повѣсти, а въ ихъ числѣ и Коммиссіонный списокъ, видоизмѣнили читаемую въ послѣдней фразу: „и бѣша у него Варязи и Словѣне и прочи“ посредствомъ вставки слова „мужи“. Происхожденіе же этой вставки, по моему, объясняется такъ: выше, въ той самой статьѣ 882 г., гдѣ имѣется разсматриваемая фраза, читаемъ: „и приде (Олегъ) къ Смоленьску.... и посади *мужъ* свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади *мужъ* свои“; такъ въ Лавр. спискѣ; въ Радзивил. же спискѣ, вм.: „мужъ“, оба раза стоитъ: *„мужи“*. Весьма вѣроятно, поэтому, что въ первоначальной рукописи Повѣсти вр. л. отмѣчено было, какъ варіантъ къ слову „мужъ“, слово *„мужи“*, которое, по оплошности переписчиковъ, и попало въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ въ разбираемое мѣсто. Само же это мѣсто въ своей совокупности не только не имѣетъ приписываемаго ему А. А. Шахматовымъ слишкомъ затѣйливаго значенія, но и вовсе не даетъ никакого смысла, составляя одну лишь плетеницу словъ. Дѣло въ томъ, что статья 882 г. собственно заканчивается фразою: „И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ“, каковая фраза повторяется въ статьѣ 912 г.: „И живяше Олегъ княжа въ Киевѣ“; все осталь-

---

[1]) См. Н. П. Барсова: „Очерки рус. историч. географіи“ (Варшава, 1885 года,), стр. 227, примѣч. 59, гдѣ приведены цитаты, указывающія, что лѣтопись рѣзко различаетъ славяно-руссовъ отъ варяговъ.

[2]) Въ 1904 г. А. А. Шахматовъ въ упомянутомъ своемъ этюдѣ замѣтилъ (319), что въ Ком. сп. слово *прочи* стоитъ со знакомъ выноса *на полѣ*. Какими судьбами это реченіе чрезъ четыре года, въ 1908 г., успѣло передвинуться съ поля рукописи въ самый текстъ и помѣститься *надъ строкою*?—непонятно.

ное же, начиная со словъ: „И рече Олегъ“ до конца статьи состоитъ изъ безсвязныхъ фразъ, искаженныхъ, притомъ, пропусками и вставками. Между прочимъ, и занимающее насъ предложеніе сложено изъ двухъ фразъ, изъ коихъ первая является разночтеніемъ начальныхъ словъ статьи 882 г.: „Понде Олегъ, поимъ вои многи—*Варязи, Чюдь, Словѣни, Мерю, Кривичи*“, либо начала ст. 907 г.: „Иде Олегъ..., поя же множество *Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю*“. Варіантомъ къ словамъ: „поимъ или поя Варяги и Словени“ и т. д. и служитъ сочетаніе: „бѣша у него (Олега) Варязи и Словени и прочи“, написанное, вѣроятно, первоначально на полѣ, а впослѣдствіи перенесенное невпопадъ въ самый текстъ [1]).

Вторая же фраза: „*оттоле* (такъ въ Новгор. 1-й, Никон. и др. спискахъ) *прозвашася Русью*“ составляетъ варіантъ къ фразѣ статьи 862 г.: „и отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новъгородъ“, т. е., какъ мною объяснено выше, новгородцы въ союзѣ съ сѣверными племенами, послѣ прибытія избранныхъ ими южно-русскихъ князей, вошли въ составъ русской земли, стали называться въ государственномъ отношеніи русью, сохраняя, впрочемъ, и свое этнографическое названіе.

Разъединенность же обѣихъ фразъ на разстояніи двухъ страницъ рукописи не можетъ служить опроверженіемъ моей конъектуры, ибо статья 882 г. первоначально слѣдовала почти непосредственно за статьею 862 г., почему перенесеніе варіанта, написаннаго на полѣ противъ первой статьи, въ текстъ второй—не представляетъ собою ничего невѣроятнаго. А что разъединяющее обѣ сказанныя статьи извѣстіе 866 г. о нападеніи руси на Царьградъ подъ предводительствомъ Аскольда и Дира вставлено позднѣе въ то мѣсто, которое оно нынѣ занимаетъ въ Лавр. и сходныхъ съ нимъ сводахъ—явствуетъ изъ того, что въ Коммис. спискѣ это же извѣстіе, безъ всякаго упоминовенія названныхъ князей, поставлено раньше разсказа о призваніи яко-бы варяговъ, и что въ Никоновской лѣтописи оно повторяется въ разныхъ мѣстахъ въ различныхъ редакціяхъ.

---

[1]) Выраженіе „и прочи“, будто-бы умышленно, какъ полагаетъ А. А. Шахматовъ, вставленное редакторомъ Повѣсти вр. л., встрѣчается въ статьѣ 882 г. повторно въ другомъ мѣстѣ, а именно: въ составѣ фразы: „и выскакаша *вси прочии* изъ лодья“, но здѣсь слово: „прочии“, дѣйствительно, вставлено, хотя безъ всякаго умысла, а лишь по ошибкѣ переписчика. Это видно изъ предыдущихъ словъ: „И похорони вои въ лодьяхъ“; ясно, что далѣе написано было: „и выскакаша *вои* изъ лодья“, какъ и читается въ Арх., Новгор. 1-й и другихъ спискахъ, но переписчикъ, вмѣсто *вои*, написалъ *вси* и перенесъ сюда съ поля „прочии“. Куда слѣдуетъ отнести послѣднее слово?—этого считаю неумѣстнымъ здѣсь касаться.

Третій отрывокъ, касающійся начала русскаго имени, помѣщенъ въ концѣ статьи 898 г., трактующей о нашествіи угровъ на славянъ и объ изобрѣтеніи письменъ и преложеніи священныхъ книгъ. Онъ гласитъ такъ: „А Словеньскый языкъ и Рускый одно есть; отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же *Кіяне* (такъ въ Переясл. л-си) прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а языкъ Словенски имъ единъ“ (Л. 28). О приведенномъ только-что отрывкѣ, предшествуемомъ сегментомъ, начинающимся словами: „Тѣмже Словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ“ (Лавр. 27), Шлецеръ отозвался, что это „несносно глупая вставка, въ которой съ скучнымъ пустословіемъ разсказываются столь часто уже прежде описанныя дѣла (напр., о названіи Полянъ и отъ чего произошло названіе Руси) и которыя менѣе всего здѣсь требовали повторенія“ (II, 553). Но такой рѣзкій отзывъ по отношенію къ нашему отрывку едва-ли справедливъ: послѣдній ничего лишняго и неразумнаго въ себѣ не содержитъ, а только поставленъ онъ некстати въ концѣ статьи 898 г., тогда какъ надлежащее его мѣсто въ статьѣ 862 г.,—въ Сказаніи о началѣ руси, въ видѣ еще одного, но на сей разъ болѣе расширеннаго, разночтенія къ словамъ этой послѣдней статьи: „И отъ тѣхъ прозвашася Руская земля Новугородьци..., преже бо бѣша Словѣни“. Смыслъ и этого распространеннаго варіанта—все тотъ же, неоднократно уже мною указанный, а именно: славяне, т. е. новгородцы, славяне въ тѣснѣйшемъ значеніи, и руссы составляютъ одинъ народъ; отъ послѣднихъ и первые стали называться также рус. землею, русью, раньше же они назывались только словѣнами, подобно тому, какъ кіяне, называемые по преимуществу русью (ср. въ статьѣ 898 г. „Поляне (Кіяне), яже нынѣ (чит.: *донынѣ*) зовомая Русь“), прежде назывались полянами, но рѣчь ихъ всегда была славянская (ср.: „Се бо словенескъ языкъ: Поляне, Древляне, Новугородьци“ и пр.) [1]). Слово же„ Варягъ“ въ данномъ отрывкѣ, очевидно, вставлено, взамѣнъ „*Руси*“, или „Варягъ—Руси“, подъ вліяніемъ параллельной фразы: „идоша къ Варягомъ, къ Руси“, ибо, если принять, что оно принадлежитъ къ первоначальному тексту, то какъ въ такомъ случаѣ согласовать заявленіе, что словѣне и русь суть одинъ народъ и употребляли всегда славянскую рѣчь, съ показаніемъ, что словѣне-новгородцы получили

[1]) Ак. Шахматовъ полагаетъ, будто опущеніе въ Новг. 1-й л-си словъ: „преже бо бѣша Словѣне“ представляется поправкою Древнѣйшаго кіевскаго свода, ибо „слова эти сами по себѣ темны и удаленіе ихъ изъ текста было поэтому естественно“ („Разыск.“ 299). Заключеніе это совершенно произвольно: означенныя слова даютъ опредѣленный смыслъ и опущеніе ихъ въ Новгор. 1-й л-си является простою опискою.

имя руси отъ варяговъ, будемъ-ли мы разумѣть подъ послѣдними какую-либо особую иноземную народность, или же иноземную военную корпорацію, дружину?

Теперь, разобравъ наиболѣе трудныя мѣста Сказанія и относящіеся къ нему варіанты, приставленные неумѣстно къ другимъ статьямъ Повѣсти, я воспроизведу здѣсь въ полномъ и цѣлостномъ видѣ текстъ статей 859 и 862 г., обнимающихъ какъ извѣстія о варяжской дани, изгнаніи варяговъ и мнимомъ призваніи варяжскихъ князей, такъ и связанное съ этими извѣстіями сообщеніе о вокняжившихся въ Кіевѣ Аскольдѣ и Дирѣ. Текстъ составленъ мною по Лавр. списку съ прибавленіемъ разночтеній, встрѣчающихся въ другихъ главнѣйшихъ спискахъ. Моя же выправка текста заключается, какъ уже было замѣчено, въ томъ, что, не выбрасывая и не перемѣняя ни единаго слова, я лишь переставляю, по изложеннымъ соображеніямъ, отдѣльныя слова и фразы съ однихъ мѣстъ на другія. Въ подтвержденіе же пригодности и цѣлесообразности такого способа возстановленія лѣтописнаго текста я представлю въ концѣ настоящаго очерка еще нѣсколько данныхъ, на которыя прошу обратить вниманіе.

Вотъ возстановленный мною текстъ [1]).

1. Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи (вар.: *находници Варязи*), приходяще изъ заморья на Чюди, на Словѣнехъ, на Мери, и на Всѣхъ и на Кривичѣхъ (отъ мужа по бѣлѣй вереницѣ)... (а иже у нихъ живяху Варяги, то ти насилие дѣяху имъ, Словеномъ и Кривичемъ и Мери и Чюди) [2]).

2. Въ лѣто 6370. (И въ тоже время возсташа Кривичи и Словѣне и Чюдь и Меря на Варягы (рекше на Нѣмци) и) изъгнаша Варяги (вар.: *варягъ находьниковъ*) заморья (такъ въ Радз., въ другихъ сп.: *за море*) и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды (и бысть межи ими рать), и въста (градъ на градъ) (и) родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И (събравшеся), рѣша сами в себѣ:

---

[1]) При изложеніи сведеннаго текста я пользовался „Сводною Лѣтописью“, составленною Л. И. Лейбовичемъ (Спб., 1876 г.), добавивъ, впрочемъ, варіанты, послѣднимъ почему-либо пропущенные.

[2]) Слова: „находници Варязи“ перенесены въ данное мѣсто изъ начальной части помѣщеннаго мною ниже сегмента № 8, которая въ Лавр., Ип. и Твер. сп. читается: „И по тѣмъ городомъ суть *находници Варязи*, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ Словѣне“ и пр., гдѣ подчеркнутыя два слова, очевидно, вставлены, какъ это объяснено мною выше въ текстѣ.

„поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ (водилъ) нами и судилъ по праву (въ Ип.: и рядилъ по ряду) [1]).

3. (И въ то время въ Новѣгородѣ нѣкый бѣ старѣйшина, именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житіе, и созва владалца, сущая съ нимъ, Новагорода, и рече: совѣтъ даю вамъ, да послете в Русьскую землю мудрыя мужи и призовете князя отъ тамо сущихъ родовъ“) [2]).

4. Идоша (...) къ Варягомъ, к Русі. (Глосса: сице бо тіи (вар.: *ти*) звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си) [3]).

5. Рѣша Руси Чюдь (и Меряне), Словѣни (Новгородци), Кривичи (и Вси): „земля наша (добра), велика и обильна, а наряда (наряднико въ) в ней нѣтъ, да поидѣте княжити и володѣти нами“.

6. (Они же бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нрава). И изъбрашася (едва) три братья с роды своими (...), и приидоша; старѣйший Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ; а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ; а третий Изборьстѣ Труворъ. (...) [4])

7. (...) Синеусъ умре и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ (и сѣде въ Новѣгородѣ); и раздая грады (и волости), мужемъ своимъ, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро (и прочимъ).

8. (И по тѣмъ городомъ суть (...) перьвии насельници: въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлѣ-озерѣ Весь, в Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ).

9. (И отъ тѣхъ людье Новугородьци (...) прозвашася (суть) Русь, (...) (варіанты: 1) и *оттоле словетъ* (*Новъгородъ*) *Ру-*

---

[1]) Обведенныя скобками слова: „Варягъ находниковъ“ перенесены сюда изъ поставленнаго мною ниже сегмента № 9,—изъ сочетанія: „И отъ тѣхъ Варягъ находниковъ прозвашася Русь“. Слово „заморья“ исправлено было первоначально въ „за-море“, но этотъ варіантъ попалъ въ сегментъ № 4,—въ сочетаніе: „Идоша за море къ Варягомъ, къ Руси“.

[2]) Слова: „*в Русьскую землю*“ читаются у Шлецера (1, 278), а также въ Густынской лѣтоп. (П. С. Р. Л., II, 235); въ Воскр. же лѣтоп. и въ Арх. сп. стоитъ: „*въ Прускую землю*“.

[3]) Варіантъ „ти“ къ сочетанію: „сице бо тіи звахуся“ взятъ мною изъ сегмента № 9,—изъ предложенія, читаемаго въ Лавр. сп. (изд. 1872 г., стр. 19, строка 9): „ти суть людье Новогородьци“.

[4]) Фразу: „и пояша по собѣ всю Русь“ (въ нѣкот. сп.: „дружину многу“); надѣлавшую изслѣдователямъ столь много хлопотъ, я исключилъ отсюда и перенесъ въ самый конецъ сегмента № 11, гдѣ говорится о владѣніи Аскольда и Дира всею Польскою (Полянскою) землею.

ская земля (и до дънешняго (нынѣшняго) дьне); 2) *и оттоле (Новгородци) прозвашася Русью*),—преже бо бѣша Словѣни) [1]).

10. (А Словеньскый языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо (слѣдуетъ дополнить:—*Руси*) (Новугородьци) прозвашася Русью, а первое бѣша Словене; аще и (Кіяне) Поляне звахуся, но Словеньскаа рѣчь бѣ (Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху), а языкъ Словенски имъ единъ) [2]).

11. (Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ (и роди сынъ и нарече имя ему Игорь).

12. И бяста у него 2 мужа, не племени его, *ни* боярина, (Асколдъ и Диръ),(отъ рода Варяжьска), (и не дастъ имъ Рюрикъ ни града, ни села), и та испросистася (вар.: *упрошаста* (ся) ко Цариюгороду сродомъ своимъ (вар.: *родомъ ихъ*). И поидоста (изъ Новагорода) по Днѣпру (и идуче мимо Смоленскъ, и не явистася къ Смоленску, зане градъ великъ и многъ людьми. И приплыста подъ горы Кіевскія), и узрѣста на горѣ градокъ (малъ), (...) и рѣста: „чий се градокъ?“. Они же рѣша: были суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань (...) Козаромъ“. Асколдъ же и Диръ (рекоста имъ: „и мы есми князи Варяжскіе“, и) остаста въ градѣ семь (княжити), и многи Варяги съвокуписта, и начаста владѣти Польскою (Полянскою) землею, (и пояша по собѣ всю Русь) [3]).

---

[1]) *Первый* варіантъ: „и оттоле словеть (Новгородъ) Руская земля“ взятъ изъ Никон. лѣтоп., гдѣ читается: „И отъ тѣхъ Варягъ находниковъ прозвашась Русь, *и оттоле словеть Руская земля*“; слово же: „Новъгородъ“ прибавлено мною по соображенію съ Радз. сп., имѣющимъ: „и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля Новгородъ“. *Второй* варіантъ: „оттолѣ прозвашася Русью“ взятъ изъ статьи подъ 882 г: „И бѣша у него (Олега) Варязи и Словѣни и прочи, *оттоль прозвашася Русью*“ (Ник., Воскр. Твер. и др. лѣтоп.), гдѣ подчеркнутыя слова смотрятъ явно вставкою.

[2]) Сегментъ 10 перенесенъ сюда съ конца лѣтоп. статьи подъ 898, причемъ слово „Кіяне“ взято изъ Переясл. лѣтописи.

[3]) Въ данномъ сегментѣ: 1) за словомъ „боярина“ прибавлены имена: „Асколдъ и Диръ“, взятыя изъ начальной строки извѣстія 886 г.: „Иде Асколдъ и Диръ на Греки“; 2) слова: отъ рода Варяжьска—изъ фразы: „Новогородьци отъ рода Варяжьска 3) слово „упрошаста“, какъ варіантъ къ слову „испросистася“, взято изъ фразы: „и узрѣста на горѣ градокъ, и упрошаста“; 4) въ сочетаніи: „Они же рѣша и т. д., и мы сѣдимъ, платяче дань *родомъ ихъ* Козаромъ“ я исключилъ изъ текста подчеркнутыя слова, какъ составляющія только разночтеніе стоящихъ выше словъ: „съ родомъ своимъ“. Этимъ устраняются всѣ затрудненія, вызываемыя настоящею фразою, изъ которой можно бы заключить, что Поляне были родственны хазарамъ; 5) выраженіе: „и пояша по собѣ всю Русь“ перенесено сюда изъ сегмента № 6,—изъ предложенія: „И избрашася три братья съ родомъ своимъ, пояша по собѣ всю Русь“.

Возстановивъ такимъ образомъ первообразный текстъ нашего сказанія, приходится еще выяснить **происхожденіе и смыслъ** послѣдняго. По этому вопросу *Д. И. Иловайскій* высказался, что данная легенда имѣетъ династическій оттѣнокъ, содержитъ легитимную или монархическую тенденцію. Когда кіевскому лѣтописцу, излагаетъ нашъ историкъ, бывшему свидѣтелемъ многихъ смутъ и усобицъ въ концѣ XI и началѣ XII в., пришлось объяснить начало русскаго княженія, то онъ, ровно ничего не зная о стародавнихъ историческихъ князьяхъ Руси, выставилъ домыселъ, конечно, не ему одному принадлежащій, а сложившійся около того времени при самомъ княжемъ дворѣ,—домыселъ о томъ, что были когда-то на Руси смуты и безнарядье, усобицы и обиды отъ сосѣдей, и вотъ, чтобы прекратить это безнарядье, земское вѣче рѣшило призвать князей изъ-за моря отъ варяговъ, которые какъ-разъ, въ тѣ времена т. е. въ XI в., состояли у насъ въ почетѣ и въ родствѣ съ нашимъ княжимъ домомъ, и были славны въ цѣлой Европѣ („Разыск.“ 467—8). Объясненіе это едва-ли удачно, такъ какъ во всей древней русской письменности, за исключеніемъ вышеприведенныхъ фразъ Начальной лѣтописи, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на иноземное происхожденіе русскаго княжескаго дома. Только въ Макарьевской Степенной Книгѣ впервые, какъ извѣстно, является басня о генеалогической связи Рюрика съ братомъ Октавія Августа—Прусомъ, властвовавшимъ на побережьяхъ Вислы и Нѣмана и давшимъ названіе Прусской землѣ. Но изъ цитируемаго Гедеоновымъ (II, прим. 48) письма Іоанна Грознаго къ шведскому королю Іоанну видно, что первый, выставляя себя, согласно Степенной Книгѣ, потомкомъ Августа Кесаря, обзываетъ короля „мужичьимъ родомъ“ и при этомъ утверждаетъ, что древніе шведы находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Руси, что̀ доказывается тѣмъ, что въ прежнихъ хроникахъ и лѣтописяхъ писано, что въ войскѣ Ярослава Владиміровича участвовали и варяги; варяги же—нѣмцы, а разъ они служили въ войскѣ, то они, значитъ, были подчинены русскому великому князю. Если же и Грозный при всемъ его честолюбіи не увлекался желаніемъ выводить свой родъ отъ „славныхъ въ цѣлой Европѣ“ пиратовъ-норманновъ, то нѣтъ никакого основанія приписывать подобное увлеченіе далеко не столь тщеславнымъ русскимъ князьямъ XI и начала XII в. Лишены также значенія въ данномъ вопросѣ дружественныя и семейныя связи русскаго княжескаго дома съ норманскими государями. Вѣдь нѣкоторые князья были связаны тѣсными узами дружбы и родства также и съ другими инородцами, напр., съ половцами, и, однако, русскій народъ и выразители его взглядовъ и настроеній—лѣтописцы и писатели, да и многіе изъ самихъ князей, относились съ величайшимъ презрѣніемъ и глубокою ненавистью къ этимъ кочевникамъ, которыхъ

называли не иначе, какъ „погаными, дикими половцами“. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы когда-либо на Руси къ варягамъ, исключая развѣ отдѣльныя личности изъ среды ихъ, имѣло мѣсто иное, лучшее отношеніе. А при такихъ условіяхъ гадать о династической тенденціи Сказанія едва-ли позволительно.

Что касается *А. А. Шахматова*, то, по его мнѣнію, какъ это мы уже отчасти видѣли, представляется несомнѣннымъ, что Сказаніе первоначально вышло изъ-подъ пера новгородца, положившаго въ основу своей записи сѣверныя народныя преданія, а также нѣкоторыя сказанія, и быть можетъ, и историческія пѣсни, и что эта запись составителями лѣтописныхъ сводовъ была видоизмѣнена и переработана, преимущественно съ цѣлью согласованія ея съ южно-русскими народными преданіями, при помощи извѣстныхъ элементовъ сочинительства, подъ которымъ нашъ академикъ разумѣетъ „не одну выдумку, но также комбинированіе данныхъ, возстановленіе по нимъ и по современной дѣйствительности событій и положеній прошедшаго времени“. Но для оцѣнки шаткости въ этомъ отношеніи выводовъ автора, укажу, ради примѣра, одно изъ его сужденій, касательно народныхъ преданій, связанныхъ съ именами первыхъ варяжскихъ князей. Въ доказательство того, что въ концѣ XI в. существовало мѣстное преданіе о поселеніи Синеуса въ Бѣлоозерѣ, продолжавшееся и въ гораздо позднѣйшее время, авторъ приводитъ цѣлыхъ четыре аргумента: *Во 1-хъ*, говоритъ онъ, не напрасно, повидимому, явилось чтеніе Радзив. сп.: „а другіи сиде у нас (вм. Синеусъ) на Белѣозере“; *во 2-хъ*, еще важнѣе свидѣтельство одного небольшого лѣсописца XVI в., гдѣ сказано, что Синеусъ сидѣлъ у насъ на Кистемѣ; *въ 3-хъ*, Стрыйковскій въ своей Хроникѣ Польской сообщаетъ, что надъ Бѣлымъ озеромъ, въ которое, какъ говорятъ, впадаютъ 360 рѣкъ и выходитъ изъ него только одна Шексна, князь Синеусъ выстроилъ свой замокъ и городъ; и *въ 4-хъ*, близь Бѣлозерска имѣется курганъ, про который ямщикъ Онисимъ, возившій въ 1847 г. С. Шевырева по дорогѣ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, объяснялъ своему пассажиру, что подъ этимъ курганомъ, говорятъ, лежитъ царь Синеусъ, что многіе дворяне останавливаются тутъ и прощаются съ нимъ и что какъ-то онъ, Онисимъ, возилъ польскаго священника, который выходилъ и плакалъ, сказавъ: „это здѣшній нашъ первый царь Синеусъ“ („Сказаніе“, 336). Уже по одному этому образчику можно, я думаю, судить о степени убѣдительности и остальныхъ „ученыхъ доводовъ“, которыми академикъ обосновываетъ свои положенія относительно наблюдаемыхъ будто-бы въ Сказаніи чертъ народныхъ традицій.

Съ своей же стороны, рѣшаюсь утверждать, что нельзя не согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, признавшимъ послѣднее сплошнымъ

книжнымъ домысломъ, продуктомъ сочинительства въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова. Отъ себя добавлю только, что основа нашей легенды заимствована изъ исторіи израильскаго народа и изложена въ существенной своей части преимущественно библейскими оборотами и фразами,—что̀ удивительнымъ образомъ до сихъ поръ ускользало отъ вниманія изслѣдователей, хотя это очевидно до осязательности. Какъ извѣстно, израильтяне по вступленіи въ Ханаанъ, жили разрозненно родовыми группами или колѣнами, изъ коихъ каждое управлялось своими особыми старѣйшинами и начальниками; центральной, общенародной власти не существовало; этою обособленностью и рознью колѣнъ пользовались враждебныя ханаанскія и другія сосѣднія племена, чтобы производить частыя нападенія на израильтянъ, тѣснить и мучить ихъ и облагать ихъ данью; хотя же по временамъ и являлись герои, носившіе названіе „судей“ (šophetim), которымъ удавалось объединить не надолго нѣсколько колѣнъ и общими ихъ усиліями отражать нападенія враговъ и возстановлять независимость народа отъ его угнетателей, но всякій разъ по смерти того или другого „избавителя-судьи“ начинались снова среди колѣнъ несогласія, неурядицы и даже междуусобныя войны, а во внутренней жизни наступало безначаліе, проявлявшееся въ ослабленіи богопочитанія и въ нарушеніи законовъ; „въ тѣ дни, выражается книга Судей, не было царя во Израилѣ; каждый дѣлалъ то, что ему было угодно“; но затѣмъ народъ проникся сознаніемъ крайней необходимости единодержавной власти для водворенія порядка и законности и особенно для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, почему собравшіеся старѣйшины Израиля приступили къ престарѣлому пророку Самуилу съ требованіемъ поставить народу царя, каковой и былъ поставленъ.

Вотъ эти-то черты еврейской исторіи новгородскій книжникъ и перенесъ въ Сказаніе о древнихъ, минувшихъ судьбахъ родной земли, присочинивъ еще нѣкоторые признаки событій въ подражаніе однородной повѣсти о томъ, „кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и откуда руская (т. е. кіевская) земля стала есть“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ наше Сказаніе по сегментамъ, на которые оно разбито въ моей реконструкціи текста.

Сегментъ 1-й. Въ немъ рѣчь идетъ о дани, возложенной варягами на сѣверныя племена, и хазарами на полянъ, сѣверянъ и вятичей. Д. И. Иловайскій относится скептически къ этому сообщенію, находя, что „нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя подтверждали-бы слова лѣтописи о варяжской дани, предшествовавшей якобы призванію князей, да и легенда говоритъ, что новгородцы сами прогнали варяговъ“; точно также историкъ сомнѣвается, чтобы хазары въ IX в. владѣли Приднѣпровьемъ. Касательно же размѣра дани авторъ, сближая лѣто-

писное Сказаніе съ тѣмъ мѣстомъ Слова о П. Игоревѣ, гдѣ говорится, что „поганіи (половцы, или литва) емляху дань по бѣлѣ отъ двора“, высказываетъ предположеніе, что воспоминаніе о послѣдней, т. е. половецкой (или литовской), дани, перенеслось въ лѣтописномъ сводѣ на хазаръ и варяговъ („Разыск.“, 60 и 62). Я же позволяю себѣ думать, что и кіевскій, и новгородскій сказатели свои повѣсти о состояніи сѣверныхъ и южно-русскихъ племенъ до водворенія у нихъ княжеской власти сочинили примѣнительно къ только-что приведеннымъ чертамъ исторіи евреевъ, знакомой, надо полагать, сочинителямъ не столько по Библіи, сколько по книгѣ „Древности Іудейскія“ Іосифа Флавія въ славянскомъ переводѣ. Изъ этой книги кіевскому сказателю было извѣстно, что между евреями въ періодъ, предшествовавшій избранію царя, возникали по временамъ серьезныя смуты и что въ связи съ этимъ, между прочимъ, месопотамскій царь Хусарѳъ пошелъ на евреевъ войною, нанесъ имъ большое пораженіе, наложилъ на нихъ тяжкія дани и подвергалъ ихъ всевозможнымъ насиліямъ, и что въ послѣдующее время филистимляне подчинили себѣ израильтянъ и взимали съ нихъ дань [1]). Въ подражаніе этимъ извѣстіямъ, кіевскій сказатель и смастерилъ повѣсть о томъ, что когда-то, послѣ смерти трехъ братьевъ, старѣйшинъ полянской земли, возникли раздоры и неурядицы между полянами, древлянами и „инѣми окольными“ и что, воспользовавшись этимъ, хазаре напали на названныя племена, одолѣли ихъ, и обложили ихъ данью. Подъ вліяніемъ же библейскаго разсказа о судьѣ израильскомъ Аодѣ, изготовившемъ себѣ мечъ съ двумя остріями, коимъ убилъ притѣснявшаго евреевъ Еглона, царя моавитскаго, и агадической пареміи, гласящей, что „мечемъ, которымъ египтяне разили народъ израильскій, они поражены были и сами“, сочинитель повѣсти измыслилъ, будто поляне и древляне, посовѣтовавшись между собою, давали хазарамъ дань по двуострому мечу отъ дыма и что хазарскіе старѣйшины усмотрѣли въ этомъ дурное для себя предзнаменованіе, означающее, что руссы со временемъ подчинятъ себѣ хазаръ и заставятъ ихъ платить себѣ дань, подобно тому, какъ египтяне, поработившіе евреевъ, погибли потомъ отъ Моисея [2]). Составитель же новгородской записи, пожелавшій замѣтку кіевскаго сказателя приложить и къ исторіи своего отечества, по-неволѣ долженъ былъ ее значительно сократить и видоизмѣнить: на мѣсто хазаръ, дѣйствительно, властвовавшихъ долго надъ южно-русскими племенами, пришлось поставить варяговъ,

---

[1]) „Древности Іудейскія“ кн. V, гл. 2, § 7; гл. 3, § 2, гл. 8, § 1.

[2]) См. мой очеркъ: „О библ.-агадич. элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Начальн. рус. лѣтописи“, отдѣльный оттискъ изъ журнала „Україна“ за 1907 г., стр. 38—40.

въ общемъ смыслѣ иноплеменниковъ, безъ указанія какого-либо опредѣленнаго иноземнаго народа; съ другой же стороны, такъ какъ нельзя было сказать, что новгородцы, попавшіе подъ владычество варяговъ, впослѣдствіи въ свою очередь подчинили послѣднихъ подъ свое господство, пришлось совсѣмъ выбросить сообщеніе о дани, состоявшей въ обоюдоострыхъ мечахъ,—заодно съ пространнымъ размышленіемъ о символическомъ значеніи этого рода дани, а взамѣнъ того сообщить, что съ сѣверныхъ племенъ взималась извѣстная въ Новгородѣ и въ далеко позднѣйшія времена подать по бѣлѣ вевериць или векшицѣ съ человѣка [1]). При внесеніи же этой видоизмѣненной замѣтки въ Лаврентьевскій, Ипатьевскій и другіе своды, прибавлено было машинально, что и хазаре взимали подобную же подать съ подвластныхъ имъ полянъ, сѣверянъ и вятичей, и только въ Архангелогор. сп. о хазарской дани въ семъ мѣстѣ нѣтъ ни слова. А что сообщеніе объ этой дани не основано ни на какой исторической традиціи, а составляетъ произвольный домыселъ,—можно заключить изъ того, что, по словамъ польскаго историка Длугоша, вѣроятно, имѣвшаго подъ руками древніе списки лѣтописи, къ намъ не дошедшіе, дань съ сѣверныхъ племенъ „по бѣлѣ веверицѣ съ человѣка“ взималась не варягами-насильниками до призванія князей, а самими призванными тремя братьями-князьями [2]).

Относительно прибавленной въ концѣ нашего сегмента въ л-сяхъ Новг. 1-й, Пск. 2-й и Архангелогор. фразы: „а иже у нихъ живяху варяги, то тѣ насилье дѣяху имъ, Славяномъ и Кривичемъ и Меряномъ и Чуди“, А. А. Шахматовъ полагаетъ, что авторъ возникшей въ Новгородѣ въ первой половинѣ XI в. записи о древнѣйшихъ событіяхъ, связанныхъ съ исторіей Новгорода и Руси, внесъ означенную фразу въ свою запись подъ вліяніемъ припомнившихся ему и позднѣйшихъ обстоятельствъ, при коихъ варяги творили насиліе новгородцамъ и ихъ женамъ, какъ это и имѣло мѣсто въ 1015 г. („Сказ.“, 349). Но нельзя не согласиться съ Д. И. Иловайскимъ, который весь приведенный въ лѣтописи подъ 1015 г. разсказъ о столкновеніи новгородцевъ съ варягами Ярослава считаетъ искусственнымъ, драматическимъ построеніемъ. („Ист. Россіи“, 304). Въ частности же, прибав-

---

[1]) Что такая подать извѣстна была въ новгородской области еще въ XV вѣкѣ,—видно изъ докончальной грамоты новгородцевъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ 1473 г. „А имать у чернокунцовъ по двѣ куницы *и двѣ бѣлѣ*, а слугамъ бѣла“ (Карамзинъ, „Ист. Госуд. Рос.“, изд. 1892, кн. VI, прим. 42.

[2]) His (Рюрику, Синеусу и Трувору) et cuilibet eorum a Ruthenis et populis suae ditioni subiectis de quolibet capite humano pro tributo unus aspergillus albus reddebatur. См. Бестужева-Рюмина „О составѣ рус. лѣтописей“, Прилож., стр. 69.

лю отъ себя, необходимо признать, что въ предложеніи: „Варязи бяху мнози у Ярослава *и насилье твориху Новгородцемъ и женамъ ихъ*“ подчеркнутыя слова, представляя собою лишь литературный пріемъ, заимствованы изъ статьи о насильникахъ славянъ: „Си Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье твориху женамъ Дулѣбскимъ“ (Лавр., 11). Полагаютъ, впрочемъ, что это послѣднее преданіе даже вовсе не русское и что и кіевскій книжникъ только перенесъ на волынскихъ дулѣбовъ извѣстіе о притѣсненіяхъ аварами чешскихъ дулѣбовъ. [1]) Попутно замѣчу, что легендѣ о жестокостяхъ обровъ, особенно надъ женскимъ поломъ, о коихъ повѣствуетъ еще франкскій хронистъ Фредегаръ, Д. И. Иловайскій склоненъ приписать византійское происхожденіе, основываясь на слогѣ, отзывающемся переводомъ, и указывая на соотвѣтствіе приведенной лѣтописью русской пословицы: „погибли, какъ обры“ византійской поговоркѣ: „погибли какъ гунны“.[2]) Но на самомъ дѣлѣ слогъ извѣстія—библейскій. Такъ, предложеніе: „быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горды и Богъ истреби я“—напоминаетъ основанное на невѣрно понятыхъ словахъ кн. Бытія (VI, 1—2) апокрифическое сказаніе о рожденныхъ отъ падшихъ ангеловъ исполинахъ или волотахъ, щудахъ (по чешски—*обрахъ*), которыхъ за ихъ беззаконія и „гордость помысла“ Богъ повелѣлъ истребить. Предложеніе же: „и есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки Обрѣ, ихже нѣсть племени, наслѣдка“ соотвѣтствуетъ Исаіи, XVI, 22: „И Я возстану противъ нихъ..., и истреблю имя Вавилона, и весь остатокъ, и сына и внука“, или Іова XVIII, 19: Ни сына, ни внука не будетъ въ народѣ его, и никого не останется въ жилищахъ его“.

Такимъ образомъ, все извѣстіе о томъ, что сѣверныя племена были обложены данью и даже покорены варягами—не болѣе, какъ книжное издѣліе.

Сегментъ 2-й. Въ началѣ сообщается о возстаніи сѣверныхъ племенъ и изгнаніи ими варяговъ, а затѣмъ говорится, что эти племена стали управляться самостоятельно, но между ними возникли раздоры и междуусобицы и они, по совѣщаніи между собою, рѣшили поискать для себя князя. За исключеніемъ начала, которое является только продолженіемъ предыдущаго сегмента, весь остальной текстъ даннаго отрывка состоитъ изъ фразъ и оборотовъ, заимствованныхъ или передѣланныхъ изъ подлежащихъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ и sepher ha-jaschar. Такъ, выраженіе: „и почаша сами въ собѣ володѣти“, въ

---

[1]) См. проф. М. С. Грушевскаго: „Історія України-Руси“, изд. 3-е, 1913 г., I, 181, прим. 3-е.

[2]) Ср. А. Маркевича: „О лѣтописяхъ“, 1883 г., I, 149.

связи съ начальными словами статьи о призваніи варяговъ, по редакціи Ком. сп. Новг. 1-й л-си: „Словѣне свою волость имѣли, а Кривичи свою, а Мере свою, когождо своимъ родомъ владяще, а Чудь своимъ родомъ,“—напоминаетъ окончаніе вышеуказанной, изложенной въ книгѣ „Яшаръ“ и книгѣ „Іосиппонъ“, родословной таблицы потомковъ сыновей Ноевыхъ: „Каждая отдѣльная область, каждый отдѣльный городъ и каждый отдѣльный родъ изъ родовъ сыновей Ноя *построили для себя послѣ того* (т. е. по разрушеніи столпа) *много городовъ* и поставили надъ собою во всѣхъ своихъ городахъ властителей, которые руководили ими“... [1]).

По поводу разбираемой фразы, которая въ Новг. 1-й, Ник., Воскр., Твер. и др. л-сяхъ читается: „и почаша сами въ собѣ владѣти *и города ставити*“, А. А. Шахматовъ высказался, что въ Повѣсти послѣднія три слова опущены преднамѣренно. „Въ разсказѣ новгородца, излагаетъ онъ, слова эти имѣли, конечно, какое-нибудь основаніе: появленіе самостоятельной власти ознаменовывалось, по представленію лѣтописца, прежде всего постройкой городовъ; лѣтописецъ зналъ рядъ сѣверныхъ городовъ, возникшихъ въ старое время, еще до призванія варяговъ. Но составителю Повѣсти эти города неизвѣстны..., вотъ почему онъ опускаетъ указанныя слова“ („Сказ.“, 361). Вѣроятнѣе всего, однако, что послѣднія внесены были въ первоначальный текстъ разсказа совершенно безотчетно, лишь изъ подражанія книгѣ „Яшаръ“ (l. c.) гдѣ, въ видѣ вступленія къ упомянутому родословію потомковъ сыновей Ноя, говорится: „И было, когда Превѣчный разсѣялъ сыновъ человѣческихъ за грѣхъ столпа по лицу всей земли, то они раздѣлились на многія части и разселились на всѣ четыре стороны свѣта... и построили много городовъ по родамъ своимъ во всѣхъ мѣстахъ, куда они разсѣялись, и назвали тѣ города именами своими, или своихъ сыновей“... Затѣмъ, при изложеніи генеалогіи потомковъ каждаго изъ сыновей Ноевыхъ въ особенности, многократно повторяется одна и та-же фраза: „они пошли и построили города и назвали ихъ именами своими, или старшихъ своихъ братьевъ, или отцовъ“. Вотъ почему составитель нашего сказанія, говоря о томъ, что каждое изъ сѣверныхъ племенъ жило и управлялось отдѣльно,— „кождо своимъ родомъ владяще“, прибавилъ механически: „и (почаша) грады ставити“, не связывая съ этими словами никакого опредѣленнаго понятія. Если же означенныя слова въ Лавр., Ип. и Радз. сп. опущены, то это чисто случайный пропускъ, на которомъ непозволительно строить заключенія о *тенденціозномъ* видоизмѣненіи составителемъ По-

[1]) Sepher ha-jaschar, Варшава, 1876 г., отдѣлъ Пятикнижія „Ной“, стр. 19.

вѣсти вр. л. текста предшествовавшаго послѣдней Начальнаго свода, какъ силится доказать акад. Шахматовъ.

Дальнѣйшее мѣсто нашего сегмента: „и не бѣ въ нихъ правды и бысть межи ими рать и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша на ся“—заимствовано, какъ мною объяснено выше, изъ „Древностей Іудейскихъ“ Флавія Іосифа. Особаго вниманія требуетъ читаемое въ Лавр. и Ип. сп. выраженіе: „и въста *родъ на родъ*“. Въ Новг. 1-й и Архангел. л-сяхъ стоитъ: „и въста *градъ на градъ*“. Это, незначительное само по себѣ, разночтеніе вызвало замѣчаніе А. А. Шахматова, что составитель Повѣсти, опять не безъ умысла, поставилъ: „родъ на родъ“, вм. казавшагося ему неудачнымъ выраженія „градъ на градъ“, ибо, спрашивалъ онъ себя, какіе же это сѣверные города? Но можно считать несомнѣннымъ, что въ первоначальномъ текстѣ стояли рядомъ *оба* выраженія, такъ какъ они, вмѣстѣ взятыя, заимствованы съ легкою лишь передѣлкою изъ Исаіи XIX, 2: „И Я вооружу Египтянъ, и будутъ сражаться братъ противъ брата и другъ противъ друга, *городъ съ городомъ*, *царство съ царствомъ*“. Вмѣсто „царство“, котораго у сѣверныхъ племенъ до призванія князей, конечно, не было, сказатель поставилъ *„родъ“*.

Заключительныя слова даннаго сегмента: „И събравшеся (или, какъ въ Ник и Арх.: „снидошася вкупѣ“), рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ (водилъ) нами и судилъ по праву“—приняты нашимъ академикомъ за чистую монету. „Безъ князя, говоритъ онъ, плохо живется Новгороду, это знали и понимали новгородцы и въ X, и въ XI в... Новгороду необходимъ князь, который владѣлъ бы и рядилъ бы *„по праву“*, причемъ послѣднія два слова „переносятъ насъ, быть можетъ, именно ко временамъ Ярослава, давшаго новгородцамъ, по свидѣтельству лѣтописей, правду и уставъ“ („Сказ.“, 350). Но легко видѣть, что новгородцы подставлены здѣсь, вмѣсто старѣйшинъ Израиля: „И собрашася мужи Исраилевы, и пріидоша къ Самуилу во Армаѳемъ, и рѣша ему: се, ты состарѣлся еси, сынове же твои не ходятъ по пути твоему, и нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны .. и изыдетъ предъ нами и поборетъ поборѣніемъ о насъ“ (I Цар., VIII, 4, 5 и 20). Нельзя, притомъ, упустить изъ виду, что и указанное академикомъ лѣтописное свидѣтельство, будто Ярославъ далъ новгородцамъ „правду“ и само по себѣ весьма сомнительно, какъ это доказывалось мною подробно въ другомъ мѣстѣ [1]), почему и нѣтъ основанія допустить, что сочинитель Сказа-

[1]) См. мою книгу: „Договоры Руси съ Византіей“, Кіевъ, 1910 г., стр. 197—8.

нія, списывая приведенные библейскіе стихи, помышлялъ именно объ усваиваемой Ярославу Мудрому Русской Правдѣ.

Сегментъ 3-й. Разсказъ о новгородскомъ старѣйшинѣ Гостомыслѣ, присовѣтовавшемъ предъ смертію своимъ согражданамъ отправить, для приглашенія къ себѣ князя, посольство въ русскую землю, или, какъ значится ошибочно въ нѣкоторыхъ спискахъ, въ прусскую землю, замѣняетъ собою разсказъ объ обращеніи народныхъ старѣйшинъ къ судьѣ и пророку Самуилу. Разница лишь та, что старѣйшины израильскіе съ просьбою о поставленіи народу царя приступаютъ къ Самуилу въ то время, когда онъ состарѣлся, и сыновья его уклонились отъ праведнаго пути: старѣйшина же Гостомыслъ, будучи также на исходѣ своей жизни, но совсѣмъ безпотомнымъ („безъ наслѣдка“, по выраженію Татищева), самъ первый обращается къ новгородцамъ съ совѣтомъ поискать себѣ князя изъ живущихъ (на Руси) родовъ. А что Гостомыслъ лицо сказочное—объ этомъ едва-ли приходится распространяться. „Малая критика, выразился Шлецеръ, уже уничтожаетъ этого человѣка“ (I, 304). Замѣчу только, что исторіографъ Миллеръ, одинъ изъ первыхъ усомнившійся въ существованіи Гостомысла, высказалъ догадку, что въ подлинникѣ стояло: *Гостомилъ*, любитель иностранцевъ, въ связи съ тѣмъ, что послѣдній, говорятъ, совѣтовалъ выбрать себѣ князя изъ *варяговъ*. Но, если пускаться въ гаданія, то можно, кажется, считать болѣе вѣроятнымъ, что въ оригиналѣ первоначально читалось: *Осмомыслъ*, т. е. мудрый мужъ,—осьми смысловъ,—какъ прозванъ былъ впослѣдствіи и знаменитый князь галицкій Ярославъ Владиміровичъ. На такую догадку наводитъ то, что Герберштейнъ, нѣсомнѣнно пользовавшійся древними русскими лѣтописями, характеризуетъ Гостомысла, какъ vir et prudens, et magnae in Novogardia authoritatis (Гедеоновъ, 140).

Сегменты 4-й и 5-й. Пресловутую рѣчь пословъ отъ сѣверныхъ племенъ, обращенную къ варягамъ—руси, а по моему чтенію,—просто къ руси: „земля наша добра, велика и обильна“ и проч. норманисты выставляютъ доводомъ въ пользу своего ученія,—указывая на сходство ея съ рѣчью, которую, согласно Видукиндову сказанію о призывѣ въ Британію двухъ воеводъ, основателей англо-саксонскаго государства, послы бриттовъ держали предводителямъ саксовъ: „власти вашей поручаемъ землю пространную, великую и обильную всякимъ богатствомъ“. Противъ этого Д. И. Иловайскій возражаетъ, что извѣстіе Видукинда о посольствѣ бриттовъ и рѣчи пословъ не болѣе, какъ легенда, между которою и нашимъ лѣтописнымъ Сказаніемъ, если и существуетъ аналогія, то лишь литературная, а не историческая, и что повтореніе въ обоихъ сказаніяхъ знаменитаго выраженія: „земля наша велика и обильна“ объясняется одинаковостью, вообще легендарныхъ

мотивовъ въ лѣтописяхъ разныхъ народовъ („Разыск.“, 98). Иначе объясняетъ происхожденіе даннаго лѣтописнаго отрывка *епископъ Кириони*. Въ своей книгѣ: „Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси“ (Тифлисъ, 1910 г.) высокочтимый авторъ энергически отстаиваетъ положеніе, что Повѣсть вр. лѣтъ представляется лишь поддѣлкою и травестиціею грузинской лѣтописи „Картлисъ—Цховреба“, съ которой русскіе имѣли возможность познакомиться въ знаменитомъ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и въ потвержденіе этого тезиса приводитъ предлинный рядъ параллельныхъ мѣстъ изъ обоихъ временниковъ. Между прочимъ, преосвящ. Кириони считаетъ интересующій насъ отрывокъ Повѣсти подражаніемъ разсказу названной грузинской лѣтописи, что послѣ смерти царя Грузіи Асфагура, послѣдовавшей въ 265 г. по Р. Х., совѣтъ эриставовъ, разсуждая о томъ, что, лишившись царя, народъ не можетъ въ надлежащемъ порядкѣ держать царство, вести войны съ окружающими врагами и держать себя въ почетѣ, рѣшилъ обратиться чрезъ своихъ пословъ къ персидскому царю Сапору о назначеніи одного изъ сыновей его царемъ Грузіи и соединеніи его съ оставшеюся послѣ Асфагура единственною дочерью, какъ наслѣдницею престола, и что, когда грузинскіе послы явились съ просьбою народа къ Сапору, онъ спросилъ ихъ: гдѣ городъ Мцхетъ, какъ онъ великъ и обширенъ, и, получивъ отвѣтъ, отправилъ сына своего Миріана на царство въ Грузію (238—9). Между тѣмъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что рѣчь новгородскихъ пословъ составлена самостоятельно, совершенно независимо отъ саксонской, грузинской или всякой иной лѣтописи, а исключительно путемъ подбора библейскихъ словъ и оборотовъ. Такъ, выраженіе: „земля наша добра, велика и обильна“ [1]) взято изъ Чиселъ (XIII, 17—19): „И послалъ ихъ (развѣдчиковъ) Моисей обозрѣть Ханаанскую землю, какова она... *хороша* ли она, или худа, *тучна* ли она, или тоща?“, и изъ Исхода (III, 8): „И иду... ввести (Свой народъ) въ *землю хорошую* и *пространную*, въ землю текущую молокомъ и медомъ“. Слѣдующая затѣмъ фраза: „а наряда (или нарядника) в ней нѣтъ“—перефразировка вышеуказаннаго стиха 25 гл. XXI книги Судей, начало котораго повторяется неоднократно въ другихъ главахъ той же книги: „И въ тыя дни не бяше царя въ Израили: мужъ, еже оугодно пред очима его, творяше“. Заключительная же фраза: „да поидете, или, какъ во многихъ спискахъ, поидите, княжить и володѣти нами“—взята изъ главы IX названной библейской книги: „Идущи идоша древа помазати себѣ царя, и рѣша масличинѣ: „буди намъ царь“;

[1]) Слово „добра“ читается въ Воскр., Твер., Архангел. и Соф. 1-й л-сяхъ.

„и рекоша древа смоковницѣ: „пріиди, царствуй нами;“...; и рекоша вся древа терню: „пріиди, буди намъ царь“.

Сегменты 6-й по 10-й содержатъ сообщеніе объ избраніи трехъ братьевъ-князей, поселеніи послѣднихъ въ главныхъ городахъ сѣверныхъ племенъ, кончинѣ двухъ младшихъ братьевъ и наступившемъ потомъ единовластіи старѣйшаго Рюрика,—и замѣтку, что отъ избранныхъ русскихъ князей и новгородцы (словѣне) получили названіе руси, и что славянскій (новгородскій) языкъ (рѣчь и народъ) и русскій одно и тоже. Объ этой замѣткѣ я уже говорилъ выше. Что же касается показанія о трехъ братьяхъ—князьяхъ, то доказывать его легендарный характеръ послѣ всего, что написано уже по сему вопросу, значило-бы ломиться въ открытую дверь. Интересно только отмѣтить приводимое преосвящ. Киріономъ (стр. 239) аналогичное нашему Сказанію сообщеніе грузинской хроники Сумбата XI в., что въ Грузію прибыли четыре брата изъ плѣнныхъ евреевъ и здѣсь стали властвовать: первый сдѣлался правителемъ въ Картли, второй въ Кахетіи, а остальные двое въ Камбечовани (Сигнахскій уѣздъ). Въ фактической достовѣрности этого извѣстія позволительно усомниться: возможно, что оно измышлено по образцу библейскаго разсказа о патріархѣ Іосифѣ, который, бывъ проданнымъ въ рабство въ Египетъ, сдѣлался правителемъ этой страны,—„бѣше князь земли той“. Но, такъ или иначе, уже одно присутствіе такого рода преданій въ грузинскомъ хронографѣ, въ связи съ дошедшимъ къ грузинамъ, какъ заявляетъ еп. Кирiонъ, историческимъ свидѣтельствомъ, что евреи обратили въ іудейство хазаръ, властвовавшихъ одно время надъ картлисіанами и взимавшихъ съ нихъ дань (263 и 264), а также съ тѣмъ фактомъ, что и воспринятіе царемъ Миріаномъ христіанской вѣры совершилось послѣ частыхъ и долгихъ бесѣдъ послѣдняго съ обращеннымъ въ христіанство мцхетскимъ еврейскимъ первосвященникомъ Абіатаромъ (261),—все это даетъ право заключить, что грузины издревле не чужды были сношеній съ евреями и могли быть знакомы съ произведеніями еврейской словесности и еврейскими и іудео-хазарскими легендами. Отсюда же нетрудно придти къ тому выводу, что указываемое еп. Кирiономъ поразительное на самомъ дѣлѣ сходство нѣкоторыхъ сказаній нашей Повѣсти вр. лѣтъ съ сообщеніями Картлисъ—Цховреба объясняется отчасти тѣмъ, что обѣ лѣтописи подражали одному и тому же образцу,—библейской и побиблейской письменности.

Еще одно замѣчаніе. Въ началѣ сегмента 6-го,—объ избраніи въ князья трехъ братьевъ,—въ Никоновской лѣтописи, впрочемъ, только въ ней одной, сказано: „Они же (т. е. варяги-русь, а по моимъ соображеніямъ,—просто русь) бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нрава, и едва изъбрашася три браты“ и проч. Шлецеръ (I, 331) находилъ это при-

бавленіе страннымъ. „Норманы, пишетъ онъ, не такіе были люди, чтобы бояться слабыхъ, разстроенныхъ и къ сопротивленію неспособныхъ народовъ“. Конечно, съ точки зрѣнія представителей норманизма, убѣжденныхъ въ томъ, что названія избранныхъ князей, какъ выразился Шлецеръ,—„настоящія германскія, особливо шведскія, имена, только немного испорченныя въ чужой землѣ“—означенная фраза не можетъ не казаться странною. Но, если отрѣшиться отъ предразсудка норманофиловъ и считать Сказаніе тѣмъ, чѣмъ оно является въ дѣйствительности—книжнымъ домысломъ, а имена приглашенныхъ князей—славяно-русскими, какъ это и доказываетъ Д. И. Иловайскій, то упомянутая фраза окажется вполнѣ подходящимъ добавленіемъ къ сочетанію „земля наша добра, велика и обильна“. Суть въ томъ, что въ повѣданіи Пятикнижія о посылкѣ Моисеемъ развѣдчиковъ для обозрѣнія земли ханаанской, съ цѣлью удостовѣриться, какова она, говорится, что посланные люди, возвратившись къ израильскому обществу, принесли ему отвѣтъ, сказавъ, что, хотя въ осмотрѣнной ими землѣ подлинно течетъ молоко и медъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это земля, пожирающая своихъ жителей, и въ ней имѣются исполины отъ рода исполинскаго, каковая хула вызвала всеобщій вопль и ропотъ, такъ, что изъ страха предъ живущими въ Ханаанѣ сильными племенами народъ рѣшилъ было возвратиться въ Египетъ (Числа, гл. XIII и XIV). И вотъ, подражая этому-то библейскому разсказу, составитель Никоновской лѣтописи придумалъ, будто, не смотря на восхваленіе новгородскимъ посольствомъ качествъ родной земли, варяго-руссы, или руссы, не рѣшались послѣдовать призыву идти княжить и володѣть ею, страшась звѣрскихъ обычаевъ сѣверныхъ племенъ, такъ, что съ большимъ трудомъ избрались три брата съ ихъ семействами.

Сегменты 11-й и 12-й содержатъ разсказъ объ Игоревомъ рожденіи (объ этомъ, впрочемъ, въ данномъ мѣстѣ говорится только въ сп. Воскр., Полет. и Архан.) и эпизодъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Предложенныя мною поправки чтенія сказанныхъ сегментовъ приведены выше въ выноскахъ къ установленному мною полному тексту нашей легенды. Здѣсь представлю нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія.

Никто доселѣ не объяснилъ удовлетворительно процесса, такъ сказать, приклейки именъ Аскольда и Дира къ извѣстію о первомъ нашествіи руссовъ на Царьградъ. *Д. И. Иловайскій*, истощившійся въ доказательствахъ баснословности всего лѣтописнаго эпизода объ этихъ двухъ князьяхъ, усматриваетъ въ привязкѣ ихъ именъ къ повѣданію византійцевъ о походѣ руси на грековъ только одинъ изъ пунктовъ легенды, указывая, для сравненія, что и миѳическій Кій ходилъ въ Константинополь („Разыск.“ 59, 111 и 119). Но этимъ объясненіемъ невозможно удовольствоваться. Между сообщеніями о Кіѣ и объ Ас-

кольдѣ и Дирѣ вовсе нѣтъ сходства: первый ходилъ въ Царьградъ для мира и дружбы („таже съ Константиноградскимъ царемъ миромъ и братски живяше", какъ выражется Никон. л-сь), послѣдніе же предводительствовали будто-бы руссами при военномъ ихъ набѣгѣ на Константинополь. Болѣе достовѣрною представляется мнѣ, поэтому, догадка, что сообщенія какъ о приходѣ Кія въ столицу Византіи, такъ и о предводительствѣ Аскольда и Дира нападавшими на нее руссами, явились только слѣдствіемъ ошибочныхъ интерполяцій. Вставочности словъ лѣтописца въ извѣстіи о Кіѣ: „ходилъ Царюграду..., и приходившему ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ есть отъ царя"—я уже коснулся въ одной изъ прежнихъ своихъ работъ, гдѣ доказывалъ, что они, по ошибкѣ списателей, перенесены сюда изъ сказанія о путешествіи въ Русь апостола Андрея, а въ дѣйствительности относятся къ заимствованному изъ Житія св. Меѳодія, славянскаго первоучителя, разсказа о странствованіяхъ этого угодника [1]). Что же касается словъ Лавр. л-си подъ 866 г.: „Иде Аскольдъ и Диръ на Греки, и приидоша въ 14 лѣто Михаила Цесаря", то весьма вѣроятно, что вставка здѣсь именъ названныхъ князей произошла слѣдующимъ образомъ: Составитель Повѣсти вр. лѣтъ, помѣщая особою статьею извѣстіе о нападеніи руссовъ на Царьградъ, переведенное дословно изъ хроники продолжателя Амартола, пожелалъ, для связности изложенія, придѣлать къ этой статьѣ начало, почему и написалъ: „Въ лѣто 6374. Иде (варіантъ: придоша) *Русь* на Грекы въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны" и т. д. (слѣдуетъ выписка изъ продолжателя Амартола). Но при дальнѣйшихъ переписках слово: „Русь" было случайно опущено. Этотъ-то пробѣлъ послѣдующій писецъ вздумалъ, по недоразумѣнію, заполнить словами: „Асколдъ и Диръ", которыя въ Ипатьевскомъ сводѣ (см. стр. 11, прим.) читаются не въ текстѣ, а въ выноскѣ и относятся къ стоящей выше на томъ же (15-мъ) листѣ рукописи фразѣ: „И бяста у него два мужа, не племени его, ни боярина" Въ пользу же моей конъектуры говоритъ то, что съ одной стороны и въ Лавр. лѣтописи послѣ сочетанія: „И бяста у него два мужа" также отсутствуютъ слова: Аскольдъ и Диръ, хотя здѣсь-то наиболѣе и умѣстно было указать названія двухъ „мужей", а съ другой стороны въ спискахъ: Полетиковскихъ 1 и 2 и Воскр. подъ 6374 г. читается: „Первое приходиша *Русь* на Грекы, *Асколдъ и Диръ ис Кіева*", гдѣ уже прямо видно, что въ первоначальномъ текстѣ рѣчь шла только о пришествіи *руси* на

[1]) См. мою брошюру: „О библ.-агадич. элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Начальной рус. лѣтописи",—отдѣльный оттискъ изъ журнала „Україна", Кіевъ, 1907 г., стр. 8 и 37 (п. *д*).

грековъ, имена же Аскольда и Дира пристегнуты сюда не впопадъ, внѣ всякой связи съ предыдущимъ. Надо также принять во вниманіе, что въ извѣстномъ разсказѣ Зонары о нападеніи руссовъ евксинопонтскихъ въ спискѣ Ундольскаго нѣтъ вовсе именъ Аскольда и Дира, вставленныхъ въ Паралипоменонъ [1]).

Другая предложенная мною поправка текста,—прибавленіе къ именамъ Аскольда и Дира словъ: „отъ рода Варяжьска“, вынутыхъ изъ стоящей впереди безсмысленной фразы: „Новугородьци, ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжьска“,—находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что и въ діалогѣ между Аскольдомъ и Диромъ и кіянами, первые, согласно Архангелогородскому списку, рекомендуютъ себя варяжскими князьями. („И мы есмя князи Варяжскіе“). Точно также и Комиссіонный сп. Новг. 1-й л-си называетъ Аскольда и Дира двумя варягами. Является вопросъ, откуда взялось въ болѣе позднихъ лѣтописныхъ сборникахъ представленіе о варяжской національности сказанныхъ лицъ, неизвѣстное старшимъ сводамъ? Думаю что оно возникло, благодаря слѣдующей комбинаціи: Первоначальное извѣстіе, присоединенное къ разсказу о вокняженіи Рюрика въ Новгородѣ, гласило, что служившіе у него, Рюрика, нѣкіе „два мужа“, не бывшіе ни родственниками его, ни боярами, отпросились въ Царьградъ съ родомъ своимъ. Скомбинировавъ это извѣстіе съ лѣтописнымъ сообщеніемъ, что варяги, при помощи коихъ Владиміръ побѣдилъ своего брата, Ярополка, и овладѣлъ Кіевомъ, будучи недовольны княземъ, не удовлетворившимъ ихъ обѣщаннымъ вознагражденіемъ, отпросились идти въ Царьградъ, и что Владиміръ наиболѣе смышленныхъ и храбрыхъ изъ нихъ назначилъ „мужами“ по разнымъ городамъ, а остальныхъ выпроводилъ въ Грецію, составители и списатели лѣтописныхъ сводовъ и вывели умозаключеніе, что, разъ Рюриковы „два мужа“ просили отпустить ихъ въ Царьградъ, то вѣрнѣе всего, что они были варяги, недовольные тѣмъ, что имъ, какъ значится въ Арханг. сп., князь „не дастъ ни града, ни села“. Но само собою ясно, что эта комбинація лишена всякаго основанія, такъ какъ изъ Русн въ Царьградъ ходили для поступленія тамъ на службу, или по дѣламъ торговымъ, не только варяги, но гораздо чаще и въ несравненно большемъ числѣ коренные русскіе люди, а по свидѣтельству лѣтописи еще въ 1069 г. кіевляне послали къ братьямъ вел. кн. Изяслава съ просьбою придти для защиты Кіева отъ мести Изяслава и приведенныхъ имъ поляковъ, угрожая въ противномъ случаѣ зажечь городъ и уйти *въ греческую землю*. Т. о., изъ старшихъ

[1]) См. В. С. Иконникова: „Опытъ рус. исторіографіи“, II, 1, 95.

лѣтописей нельзя вывести, что Аскольдъ и Диръ, если они существовали, были варяги, скандинавы; слова же: „отъ рода Варяжска“—позднѣйшая приписка, очутившаяся, по ошибкѣ, на ненадлежащемъ мѣстѣ текста.

Третья, предложенная мною поправка касается отрывка по Лавр. сп.: „Они же рѣша: были суть 3 братья..., и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Козаромъ“. Академикъ *А. И. Соболевскій* удѣлилъ этому отрывку вниманіе въ своей статьѣ. „Нѣсколько мѣстъ Начальной Лѣтописи“, для которой онъ, по его заявленію, пользовался выработанными на западѣ правилами т. н. критики текста, изложенными у Турнье и Бласса. Авторъ выводитъ, что слова: *родомъ ихъ* представляютъ собою форму творительнаго падежа, рѣдко встрѣчающуюся въ памятникахъ даже древнѣйшей славянской письменности,—форму *творительнаго сопровожденія безъ предлога.* Исходя изъ этого, нашъ академикъ при помощи перестановки словъ установилъ такое чтеніе даннаго мѣста: „Мы сидимъ родъмъ ихъ, платяче дань Козаромъ“, т. е. мы сидимъ съ родственниками ихъ (Кія, Щека и Хорива), платя дань Козарамъ [1]), Но нельзя, думаю, не признать, что эта конъектура далеко не изъ счастливыхъ. По правилу критики текста, изложенному именно у Бласса, ко всему необыкновенному всегда слѣдуетъ относиться подозрительно, поэтому въ данномъ случаѣ, если принять, что слово *„родомъ“* употреблено здѣсь въ чрезвычайно рѣдкой архаической формѣ творительнаго падежа, то это одно даетъ достаточный поводъ усомниться въ подлинности преданія; но наше сомнѣніе еще усиливается тѣмъ, что въ Радзив., Акад. и Архангел. сп. слова *родомъ ихъ* вовсе отсутствуютъ, а Ип. и Хлѣбник. сп. сочли нужнымъ замѣнить неудобопонятное *родомъ* выраженіями: *роды* и *родъ*, которыя, однако, оказываются еще болѣе невразумительными. Вотъ почему я и считалъ себя вправѣ признать эти слова вставкою, происшедшею отъ того, что въ средину текста перенесенъ отмѣченный на полѣ варіантъ къ стоящей выше нѣсколькими строками фразѣ: „и та испросистася ко Царюграду съ *родомъ своимъ*,—точно также, какъ сочетаніе: *„и упрошаста“* ничто иное, какъ неумѣстно вставленный варіантъ къ реченію *„испросистася“*.

Четвертая, и послѣдняя, предложенная мною поправка заключается въ перемѣщеніи въ самый конецъ 12-го сегмента словъ: „пояша по собѣ всю Русь“. Обоснованіе этой поправки я уже изложилъ выше.

Въ довершеніе анализа разсказа о водвореніи Аскольда и Дира въ Кіевѣ укажу на *параллели къ нему въ еврейской письменности.* Въ означенномъ разсказѣ характерно то, что Аскольдъ и Диръ въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ выставляются „мужами“ Рюрика и под-

[1]) „Чтенія въ историч. о-вѣ Нестора Лѣтописца“, кн. 5-я, стр. 9.

черкивается, что они не только не состояли въ родствѣ съ княземъ, но даже не были боярами, чѣмъ и укорялъ ихъ потомъ Олегъ (или Игорь), говоря: „Вы нѣста князя, ни рода княжа“ [1]). Чѣмъ-же объяснить, что незнатные по происхожденію мужи, не имѣвшіе сначала за собою никакихъ ровно заслугъ предъ кіевлянами, тѣмъ не менѣе приняты были послѣдними, повидимому добровольно, въ князья? Объясненіе этой загадки мы найдемъ, если сопоставимъ эпизодъ о названныхъ князьяхъ съ аналогичнымъ разсказомъ, содержащимся въ Sepher Hajaschar. Потомки Іакова, повѣствуется въ этой книгѣ, вмѣстѣ съ ополченіемъ, присланнымъ имъ на помощь Эніасомъ, царемъ Дигабы (африканскимъ—тожъ), воевали съ потомками Сеира, и сперва терпѣли отъ послѣднихъ громадныя пораженія, между прочимъ, потому, что нѣкоторые изъ ихъ же среды измѣннически перешли на сторону врага, но потомъ, получивъ новое подкрѣпленіе войскомъ Эніаса, одержали рѣшительную побѣду надъ своими противниками, окончательно ихъ истребили и завладѣли ихъ землею и имуществомъ. „И въ сіи времена, сказано въ *Яшарѣ*, сыны Исавовы совѣщались между собою объ избраніи царя надъ унаслѣдованною ими страною, и говорили они другъ другу: пусть царь властвуетъ надъ нами въ странѣ нашей, дабы мы находились подъ его водительствомъ и дабы онъ поборолъ наши боренія противъ враговъ нашихъ. И сдѣлали такъ. И поклялись всѣ сыны Исавовы, чтобы никто изъ ихъ братьевъ во-вѣки не царствовалъ надъ ними, а только чужой, ибо они были огорчены душею, каждый на своего сына и на своего брата и на своего друга, по причинѣ зла, учиненнаго ихъ братьями въ войнѣ съ потомками Сеира... И былъ тамъ одинъ мужъ, изъ числа мужей царя Дигабы, по имени Бела сынъ Беоровъ, весьма храбрый на рати, красивый станомъ и пріятный видомъ, свѣдущій во всякой мудрости, разсудительный и смышленный; его-то они помазали и поставили надъ собою царемъ“ [2]).

Имѣя въ виду безспорный фактъ, что изъ цитированной книги перешло въ древне-русскую словесность нѣсколько повѣстей и сказаній, можно признать, что и приведенный изъ нея только-что разсказъ послужилъ образцомъ для сообщенія нашей лѣтописи о принятіи надъ собою полянами въ князья двухъ „мужей“, не принадлежавшихъ ни къ княжескому роду Рюрика, ни къ мѣстнымъ боярамъ, а были чуждыми поля-

---

[1]) Выраженіе: „не племени его, ни (вм. но) боярина“ читается въ Лавр. и Троиц. спискахъ; фразы же: „рекоста имъ (Аскольдъ и Диръ): „и мы есмя князи Варяжьскіе“ имѣется только въ Арх. сп.; въ другихъ же сборникахъ ея нѣтъ.

[2]) „Сеферъ га-яшаръ“, Варшава, 1878 г., недѣльный отдѣлъ Пятикнижія: „Wajechi“, стр. 104.

намъ младшими княжими дружинниками [1]). Если же согласиться съ этимъ соображеніемъ, то становится правдоподобнымъ, что въ первоначальномъ текстѣ, за словами: „И бяста у него два мужа“..., читалось такое же опредѣленіе личныхъ качествъ этихъ мужей, какое въ Sepher ha-jaschar дано мужу, избранному въ цари сынами Исавовыми, а именно стояло: „бяху мужи мудри и смыслены“, но эти послѣднія слова, при чрезвычайной спутанности текста, которою страдаютъ даже т. н. лучшіе лѣтописные своды, были пропущены въ данномъ мѣстѣ и попали необъяснимымъ образомъ въ заключительный сегментъ статьи объ основаніи Кіева: „И бяша около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху (мужи) мудри и смыслени... бяху же тогда погани“ и т. д.,—гдѣ предъ нами безсмысленный наборъ фразъ, понадерганныхъ изъ различныхъ разсказовъ [2]). А что дѣйствительно первоначально въ текстѣ читались упомянутыя выраженія,—объ этомъ можно заключить изъ того, что эпитеты, коими въ Sepher ha-jaschar охарактеризованъ Бела Беоровичъ, употребляются въ русскихъ лѣтописяхъ шаблонно въ примѣненіи и къ другимъ историческимъ лицамъ. Такъ, наприм., Новг. 1-я, Арх. и нѣкоторые другіе списки, непосредственно за сообщеніемъ о рожденіи Игоря, даютъ: „возрастѣшю же ему, Игореви, и бысть храборъ и мудръ, и бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ“. Акад. *Шахматовъ* по поводу этого мѣста замѣчаетъ: „совершенно ясно, что эта характеристика перенесена на князя Игоря съ Олега; другихъ основаній для признанія Игоря храбрымъ и мудрымъ составитель Нач. свода не имѣлъ („Разысканія“, 319). Но на самомъ дѣлѣ ясно одно,—что сводчики употребили здѣсь безсознательно, механически, стеоротипный библейскій оборотъ. Тоже нужно сказать, наприм., и относительно выраженія въ повѣсти о Владимірѣ и Рогнѣдѣ по редакціи Лавр. л-си подъ 1128 г.: „и бѣ у него (Владиміра) Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь“, или касательно отзыва о Ростиславѣ Владиміровичѣ подъ 1065 г.: „Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, возрастомъ же лѣпъ и красень лицомь“ (Лавр., 162):—все это библейскія фразы, воспроизведенныя въ указанной цитатѣ изъ книги „Яшаръ“. Мнѣ

[1]) Любопытно сопоставить фразу: „и бяста у него 2 мужа, *не племени его, ни боярина*“ съ выраженіемъ Галицко-Волынской л-си подъ 1261 г.: „Нѣкто же отъ Ляховъ *не бояринъ, ни добраго роду, но простъ сый человѣкъ*“ и пр. (Ип. л-сь, изд. 1871 г., стр. 564). Впрочемъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ прямо выражено: „У того же князя Рюрика были два мужа, ни княжеска, ниже боярска роду, но отъ простолюдинъ“ (Гиляровъ, 133).

[2]) См. указанную выше мою брошюру: „О биб.-агадич. элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Нач. рус. л-си“, К., 1907 г. стр. 35—36 (и п. *б.* и *в.*)

могутъ, однако, возразить, что между сопоставляемыми сказаніями, еврейскимъ и русскимъ, нѣтъ сходства уже потому, что въ первомъ выставленъ, какъ избранный царемъ, *одинъ* мужъ, а въ послѣднемъ являются принятыми въ князья „*два* мужа“. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ Н. П. Ламбинъ и М. С. Грушевскій, основываясь на приведенныхъ ими соображеніяхъ, какъразъ полагаютъ, что въ первоначальномъ лѣтописномъ разсказѣ читалось только одно имя Аскольда, или Дира. Если-же въ дошедшихъ къ намъ сводахъ стоятъ неразлучно оба имени, то это можно объяснить означенною мною выше манерою сводчиковъ, заключающеюся въ томъ, что, встрѣчая въ письменныхъ источникахъ разночтенія въ названіяхъ лицъ или предметовъ, либо различныя версіи одного и тогоже разсказа, они соединяютъ въ своихъ сборникахъ оба варіанта, или обѣ версіи вмѣстѣ. Точно такъ же поступили, можно думать, составители лѣтописныхъ сборниковъ и въ данномъ случаѣ: изъ бывшихъ подъ ихъ руками списковъ Повѣсти вр. л. въ однихъ говорилось только объ Аскольдѣ, въ другихъ-же только о Дирѣ (Идирѣ), а компиляторы помѣстили рядомъ *оба* имени. На это отчасти указываетъ то, что въ Никоновской л-си одна изъ статей, излагающихъ извѣстіе о набѣгѣ Руси на Царьградъ, озаглавлена: „О князи Рустемъ Осколдѣ“, чѣмъ дается понять, что нападавшими руссами предводительствовалъ этотъ князь единолично, и только въ текстѣ читаемъ: „И возвратишася тщіи князи ихъ Асколдъ и Диръ“. Равнымъ образомъ и Татищевъ говоритъ сперва только объ одномъ Аскольдѣ, и лишь въ сообщеніи о занятіи Кіева Олегомъ и Игоремъ ставитъ рядомъ съ Аскольдомъ также и Дира. Точно также въ рукописи хронографа XVI ст. Е. В. Барсова говорится объ одномъ только Аскольдѣ (Гиляровъ, 139, лит. *г.*).

Напослѣдокъ, коснусь вопросовъ объ этимологіи именъ названныхъ двухъ князей и мѣстахъ погребеній послѣднихъ. *А. А. Куникъ* признавалъ имена обоихъ князей скандинавскими, сопоставляя ихъ съ Höskuldr и Dyri. *Гедеоновъ* (233) думалъ о венгерской народности князей, хотя имя Дира считалъ чисто славянскимъ. *Д. И. Иловайскій* (119) сближаетъ имя Осколда съ названіемъ южно-русской рѣки Осколъ, въ которомъ можно заподозрить слово *соколъ*. Но обращаю вниманіе на записанное въ Лавр. л-си подъ 1061 г. имя половецкаго князя *Искалъ*, читаемое въ Радзив. и Акад. сп.: *сокалъ*. Если принять въ расчетъ, что половцы нерѣдко носили русскія имена, то легко допустить, что и Искалъ—русское личное имя, превратившееся въ Осколъ, какъ Ирина въ Орина, а съ приставкою въ концѣ буквы *д*—въ Осколдъ. [1])

[1]) Въ одномъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ, вм. Осколдъ, дѣйствительно, читается „Исколдъ“. См. Гилярова, 138, цифра 4.

Что касается имени Дира, то, имѣя въ виду, что въ русской ономастикѣ извѣстны имена, начинающіяся на букву *и* и кончающіяся на *ор* или *ар*: Иворъ, Игорь, Ингваръ, Икморъ (воевода Святослава), позволительно думать, что и имя Диръ первоначально звучало: Идоръ или Идаръ: когда же оно поставлено было въ лѣтописномъ сводѣ, въ видѣ параллельнаго названія, рядомъ съ именемъ Осколда, то писецъ отдѣлилъ отъ него начальную гласную *и*, принявъ ее за соединительный союзъ, а *даръ* измѣнилъ въ *диръ*, и получилось: Осколдъ *и* Диръ [1]).

Въ подтвержденіе подлинности имени Дира нѣкоторые ученые ссылаются на показаніе арабскаго писателя Масуди, что первый изъ славянскихъ царей есть царь Aldir (произносится Ad-dir), но *Ф. Ѳ. Вестбергъ* указалъ, что Масуди здѣсь подразумѣваетъ современнаго ему русскаго вел. князя Игоря и что во всякомъ случаѣ невозможно Aldir'a отождествлять съ мнимымъ сподвижникомъ Аскольда въ походѣ на Царьградъ 860 г. [2]). Замѣчаніе *М. С. Грушевскаго* (I^3, 408), что *ал*ъ—арабскій опредѣленный членъ, а *Дир*ъ—имя,—неуважительно потому, что опредѣленный членъ приставляется только къ именамъ существит. нарицательнымъ и прилагательнымъ, а не къ личнымъ именамъ. Но за то есть основаніе предположить, что Aldir=Ildir, подобно тому, какъ имѣющееся у Масуди же *Ашбанъ* вѣрнѣе всего можетъ быть прочитано *Ишбанъ* (Испанія). Имя же Ildir, Id-dir могло оказаться видоизмѣненіемъ имени *Игоря*, точно также, какъ Гюргий (Георгій) встрѣчается и подъ формою Дюргий и Дюрдий.

Далѣе, въ доказательство существованія Аскольда и Дира, ссылаются на то, что въ народѣ съ глубокой старины и до настоящаго времени сохранилась память объ ихъ убійствѣ и о мѣстахъ, гдѣ они похоронены. Въ частности, акад. Шахматовъ, какъ указано выше, выводитъ, что „народное преданіе помнило объ Аскольдѣ и Дирѣ, что при нихъ Кіевъ взятъ Олегомъ и что они были имъ убиты,". Но ссылка эта недоказательна. По аргументамъ, представленнымъ однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей,—о личности Аскольда и о мѣстѣ его погребенія въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ не существовало никакого опредѣленнаго преданія, а имѣлось лишь свидѣтельство лѣтописи, и толки о нахожденіи могилы этого князя надъ Днѣпровскимъ берегомъ,

---

[1]) Въ одномъ рукописномъ сборникѣ 16-го, в. имѣется: „Въ лѣто 6308 первый князь бысть въ киевѣ *кидаръ*, а другий князь *осколдъ*ій (Гиляровъ, 129, лит. *а*). Встрѣчаются еще варіанты: *Дер*ъ (ib. 130, лит. i) и *Дирдъ* (Ип. подъ 882 г.).

[2]) См. „Ibrahim's-Ibn-Jakub's Reisebericht über die Slavenlande", Спб., 1898 г., стр. 50, и того же автора: „Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa", Спб., 1899, стр. 277.

на кладбищѣ Пустынно-Николаевскаго монастыря возобновились лишь въ концѣ XVIII столѣтія, особенно послѣ изданія въ 1797 г. книги: „Достопамятнѣйшія древности Кіева“,—толки, какъ полагаетъ изслѣдователь, ничѣмъ, впрочемъ, не обоснованные, ибо въ дѣйствительности означенную могилу скорѣе всего слѣдуетъ искать гдѣ-либо возлѣ Андреевской горы [1]). Равнымъ образомъ, нельзя не признать, что и относительно Дировой или Дирдовой могилы не существовало неизмѣннаго точнаго преданія, ибо, по извѣстію лѣтописи, она находилась гдѣ-то за Св. Ириною, а между тѣмъ въ географическомъ описаніи города Кіева, составленномъ въ 1784 г., по порученію начальства, В. И. Новгородцевымъ, значится, что въ то время за могилу Дира принимали ту, которая находилась въ 3-хъ верстахъ отъ Стараго Кіева, недалеко отъ Кирилловскаго м-ря на мѣстѣ, гдѣ до 1725 г. стояла деревянная Воздвиженская церковь [2]). Все это наводитъ на мысль, отчасти уже высказанную Ламбинымъ, что слова лѣтописной статьи 882 г.: „И несоша на гору и погребоша ѝ на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорьское“ и проч. (имя Аскольда въ Лав. и Ип. сп. не упомянуто здѣсь вовсе) составляютъ позднѣйшую вставку. Я же рѣшаюсь дополнить эту мысль догадкою, что эти слова ошибочно перенесены сюда переписчиками изъ статьи 912 г., гдѣ они, вѣроятно, стояли на полѣ, въ видѣ варіанта къ извѣстію о смерти и погребеніи *Олега*, изложенному въ одинаковыхъ выраженіяхъ: „и несоша и погребоша ѝ на горѣ“ и проч. (Ип., 24), а также, что вм.: „а Дирова, или Дирдова, могила“ читалось сперва: „а *Идирова*, или *Идорова* (т. е. Игорева), могила“, и только списатель и на сей разъ, по недоразумѣнію, опустилъ начальную букву *и*, принявъ ее за союзъ и предполагавъ, что послѣдній излишенъ, въ виду непосредственно предшествующаго ему противительнаго союза *а*. Такимъ образомъ, къ нѣсколькимъ версіямъ о мѣстѣ погребенія *Олега*: по одной—въ Кіевѣ, на Щекавицкой горѣ, согласно показанію Лавр. лѣтописи подъ 912 г., по другой,—вблизи Львовскихъ воротъ, гдѣ нынѣ Обсерваторія, какъ вывелъ покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ [3]), по 3-ей,—въ Ладогѣ, какъ сообщаетъ Нов. I-я л-сь, —должно, по моему, присоединить 4-ую—о нахожденіи Олеговы могилы въ урочищѣ Угорскомъ, гдѣ во время лѣтописца стоялъ Олъминъ (Ольгинъ) дворъ, на каковой могилѣ поставлена была впослѣдствіи церковь (божница) во имя Св. Николая; къ сообщенію же, что вел. князь

---

[1]) См. брошюру *И. Т—а*: „Быль и легенды о могилѣ Аскольда“. Кіевъ, 1897 г.

[2]) См. „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева“, 1874 г, II, 126.

[3]) „Чтенія въ истор. о-вѣ Нестора Лѣтописца“, кн. I, 1879 г.

Игорь погребенъ въ Искоростени, прибавляется еще одна версія (насколько она достовѣрна,—это другой вопросъ), что эта могила находилась *въ Кіевѣ* за Св. Ириною. Разнообразіе же версій объясняется, какъ замѣтилъ названный духовный писатель, тѣмъ, что лѣтопись наша —ничто иное, какъ сводъ, составившійся изъ различныхъ записей [1]).

Еще одно, послѣднее, замѣчаніе. Моя догадка, что имя *Диръ* лишь варіантъ имени Аскольда можетъ быть подкрѣплена нѣсколькими аналогичными примѣрами. Остановлюсь на одномъ изъ нихъ. Въ повѣствованіи лѣтописи подъ 882 г. о корсунскомъ походѣ кн. Владиміра, лицо, пустившее изъ осажденнаго Корсуня въ русскій лагерь предательскую стрѣлу съ надписью о перерывѣ воды, названо *Анастасомъ*, но въ такъ называемомъ Владиміровомъ Житіи особаго состава (въ Плигинскомъ спискѣ) это же лицо названо три раза *Ижберномъ*, а одинъ разъ *Жберномъ*. Оба эти названія, конечно, вымышлены и самый эпизодъ о пущеніи стрѣлы, какъ мною указано въ другомъ мѣстѣ, составляетъ подражаніе еврейскимъ и самарянскимъ разсказамъ объ осадѣ Іерусалима имп. Титомъ и палестинскаго города Беттара имп. Адріаномъ[2]). Подобно тому и въ данномъ нашемъ случаѣ оба имени Аскольдъ и Диръ относятся къ одному и тому же лицу, причемъ Диръ—сокращеніе имени *Идира*, какъ Жбернъ—сокращеніе Ижберна, да и самый разсказъ о вокняженіи въ Кіевѣ названныхъ лицъ, или одного изъ нихъ,—передѣлка вышеприведеннаго еврейскаго разсказа о принятіи въ цари Белы сына Беора [3]).

---

[1]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что тѣло убитаго въ Искоростени кн. Игоря супруга и сынъ послѣдняго могли велѣть перевезти въ Кіевъ и похоронить за св. Ириною. Въ 1096 г. Святополкъ II велѣлъ тестя своего Тугоркана, убитаго подъ Переяславомъ, перевезти, „акы врага", въ Кіевъ и погребсти у Берестова; тѣмъ болѣе умѣстно предположить, что въ Кіевъ тѣло Игоря было перевезено по распоряженію горько оплакивавшей его кончину св. Ольги; относительно же мѣста, гдѣ оно похоронено въ Кіевѣ, могли сложиться такіе же противорѣчивые толки, какъ и относительно могилы Олега: по одной версіи, это мѣсто указывалось за Св. Ириною, а по другой, позднѣйшей,—возлѣ Кирилловскаго м—ря.

[2]) См. А. А. Шахматова: „Корсунская легенда о крещеніи Владиміра", Спб., 1906 г, стр. 44 и сл., и мою брошюру: „Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ", Кіевъ, 1908 г. стр. 55—56.

[3]) Въ одномъ рукописномъ сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки читается: „и посла (Олегъ) два мужа честна; „единому имя Аскольдъ, а второму имя *Идиръ*" (Гиляровъ, 70). Достойно замѣчанія, что какъ имени *Аскольдъ* соотвѣтствуетъ имя половецкаго князя *Искалъ*, такъ и имени Диръ или *Идиръ* соотвѣтствуетъ названіе половецкаго князя *Айдаръ*, принявшаго въ 1168 г. въ Кіевѣ христіанство (Никон. л-сь, II, 202).

Подводя **итогъ** всему изложенному, повторю въ краткихъ словахъ главнѣйшія положенія, вытекающія изъ произведеннаго мною анализа нашего лѣтописнаго Сказанія.

Съ самаго начала зарожденія научной разработки русской исторіографіи и до нашихъ дней идутъ нескончаемые споры по вопросу о національности призванныхъ славяно-финскими племенами изъ-за моря варяго-руссовъ, положившихъ основу русской народности и государственности. Образовались различныя теоріи происхожденія Руси: норманская (скандинавская), балтійско-славянская, литовская, финская, хазарская и проч. Преклоняясь предъ авторитетомъ достославныхъ дѣятелей науки, направлявшихъ всѣ свои усилія и таланты къ разъясненію этого первостепеннаго вопроса древнѣйшей русской исторіи,—я принялъ, однако, смѣлость показать, что въ наиболѣе важномъ отечественномъ источникѣ послѣдней,—въ Начальной лѣтописи, нельзя найти хотя-бы малѣйшей точки опоры ни для одной изъ созданныхъ изслѣдователями ученій,—что обсужденное лѣтописное Сказаніе въ первичномъ своемъ видѣ не содержало вовсе извѣстія о призывѣ какихъ-то заморскихъ варяго-руссовъ, а сообщало лишь о призваніи новгородцами и союзными съ ними племенами князей изъ кіевской, полянской, Руси,—что это Сказаніе совсѣмъ не отражаетъ элементовъ народнаго эпоса, а является всецѣло сочиненіемъ новгородскаго книжника, изложеннымъ библейскимъ слогомъ, примѣнительно къ чертамъ еврейской исторіи за періодъ, предшествовавшій установленію царской власти, и въ нѣкоторой степени также къ лѣтописной повѣсти о кіевскихъ трехъ братьяхъ-князьяхъ,—что наблюдаемое нынѣ въ Сказаніи, впрочемъ, исключительно только въ немъ, смѣшеніе варяговъ и руссовъ произошло единственно лишь по недоразумѣнію сводчиковъ и списателей,—вслѣдствіе приклейки къ заимствованному изъ Josippon'a или Sepher ha-jaschar'a, либо изъ ихъ источника, перечню потомковъ Яфета, въ числѣ коихъ названы и руссы, заголовка: „Афетово бо и то колѣно Варязи“, или: „а сіи Варязи именуемыи“, а равно вслѣдствіе случайнаго или сознательнаго написанія въ передачѣ совѣта Гостомысла словъ: „*Прусскую*, вм. *Русскую*, землю“.—и наконецъ, что имена Аскольда и Дира не скандинавскія, а славянскія, и составляютъ различныя названія одного и того же лица, и, притомъ, не историческаго, а сказочнаго, повѣсть о которомъ сложена опять-таки отчасти въ подражаніе книгѣ *Яшаръ*.

Въ заключеніе мнѣ приходится коснуться здѣсь, какъ и приходилось уже многократно касаться въ предыдущихъ моихъ работахъ, вопроса о допустимости, вообще, практикуемаго мною способа возста-

новленія текста посредствомъ перестановокъ цѣлыхъ сегментовъ и отдѣльныхъ словъ съ однихъ мѣстъ на другія. Чтобы лишній разъ убѣдить въ томъ, что при разработкѣ Начальной лѣтописи, въ виду безпримѣрной ея сбитости и перепутанности, весьма часто положительно невозможно обойтись безъ примѣненія сказаннаго метода реконструкціи текста,—я приведу нѣсколько выдержекъ изъ начальныхъ листовъ Повѣсти вр. лѣтъ.

1) На страницахъ 2-й и 3-й Лавр. списка читаемъ: „Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидия, Алъванья..... и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономь [до Понетьского моря на полъночъныя страны, Дунай, Дьнѣстръ (въ ТРА. Днѣпръ) и Кавкасійскиа горы, рекше Угорьски, и оттуда даже и до Днѣпра, и прочая рѣки; Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга...]. В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чудь“ и т. д.

Наврядъ ли найдется ученый, который сталъ бы отрицать, что все, обведенное здѣсь прямыми скобками, мѣсто составляетъ безтолковую вставку, прерывающую теченіе рѣчи объ удѣлѣ Яфета. Но и разсматриваемое особо, данное мѣсто заключаетъ въ себѣ несообразность, состоящую вп томъ, что въ перечнѣ текущихъ въ Россіи рѣкъ ни съ того, ни съ сего упомянуто о казказскихъ или угорскихъ горахъ и совершенно безсмысленно прибавлено: „и оттуда (!) даже до Днѣпра“. Чтобы оградить Нестора отъ укора, бутдо онъ, по невѣжеству, заставилъ рѣку Тигръ течь въ Понтъ, Шлецеръ разъединилъ заскобленный мною сегментъ отъ предшествующаго ему отрывка и перевелъ начало его такъ: „*Къ Понту на сѣверъ находятся* Дунай, Днѣстръ и Кавказскія, т. е. Угорскія горы; *далѣе*: Днѣпръ и другія рѣки“. Но всякій согласится, что это переводъ вынужденный, не соотвѣтствующій грамматическому значенію словъ. Между тѣмъ, очевидно, что обсуждаемый сегментъ, будучи самъ по себѣ неумѣстною вставкою, вдобавокъ искаженъ вставленными посторонними словами, попавшими въ него изъ другихъ статей лѣтописи. Такъ, слова: „до Понетьского моря“, вмѣстѣ съ фразою: „и оттуда даже до Днѣпра“, стояли первоначально, навѣрное, на стр. 6-й печатнаго изданія Лав. л-си, гдѣ помѣщено описаніе варяжскаго пути,—въ видѣ отмѣченнаго на полѣ варіанта къ словамъ: „а отъ Царягорода прити въ Понтъ (или Поноть) море, въ неже втечеть днѣпръ рѣка“, а слова: „на полъночныя страны“ стояли тамъ же, въ видѣ разночтенія къ фразѣ: „Двина ис того же лѣса истечеть и идеть *на палуноцье*. Что же касается словъ: „Кавкасійскиа горы, рекше Угорьски“, то для выясненія, откуда они перенесены въ нашъ отрывокъ, необходимо разсмотрѣть нижеслѣдующее извѣстіе, помѣщенное на стр. 24-й Лав. л-си подъ 898 г.

2) „Идоша Угри [мимо Киевъ] [горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское], [пришедъше къ Днѣпру, сташа вежами]; [бѣша бо ходяще, аки се Половци]. [Пришедше отъ въстока] и устремишася чересъ горы великия, (яже прозвашася горы Угорскиа), и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни".

Большинство изслѣдователей всегда принимало и принимаетъ еще и теперь это лѣтописное извѣстіе за историческій фактъ. Но *Д. И. Иловайскій* доказываетъ, что оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, т. к. уграмъ вовсе не лежалъ путь изъ своей прародины, отъ Уральскихъ степей, къ Дунаю по правому, нагорному и лѣсистому, берегу Днѣпра, мимо Кіева, да они и появились около Дуная уже гораздо ранѣе 898 г. Историкъ находитъ, поэтому, что означенное извѣстіе придумано лѣтописцемъ съ цѣлью осмыслить имя „Угорьское", невольно напоминавшее народъ угровъ („Ист. Россіи", II, 514). Но это объясненіе, предложенное также и проф. *М. С. Грушевскимъ* (I[3], 235), едва-ли основательно. За составителемъ Древнѣйшей л-си, числится, надо признать, не мало грѣшковъ по части сообщенія несоотвѣтствующихъ исторической правдѣ событій или, по крайней мѣрѣ, легендарныхъ подробностей ихъ, но, что онъ рѣшился сочинить завѣдомо невѣрное свѣдѣніе о становищѣ угровъ подъ Кіевомъ на мѣстѣ, называемомъ „Угорьскимъ", только для того, чтобы истолковать, въ связи съ этимъ, самое названіе сего урочища,—подобное предположеніе уже черезчуръ рискованно. Мнѣ же кажется, что разсматриваемое извѣстіе не есть домыселъ лѣтописца, какъ увѣряютъ названные ученые, а оно появилось въ настоящемъ своемъ видѣ только по милости списателей, включившихъ въ данный сегментъ отдѣльныя слова и фразы, выхваченныя изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, Первоначальный же текстъ, по моему, гласилъ такъ: „Идоша угри(....)и устремишася чересъ горы великия, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни" и т. д., причемъ, къ словамъ: „горы великия" въ Т. Р. А. сп. прибавлена глосса: „яже прозвашася горы Угорьскиа". Къ этимъ-то словамъ и относится еще и другая глосса, очутившаяся въ приведенномъ выше географическомъ отрывкѣ: „Кавкасійскиа (Карпатскія) горы, рекше Угорьски".[1]) Всѣ же остальныя выраженія и фразы, включенныя мною въ прямыя скобки, не принадлежатъ, какъ замѣчено выше, къ тексту, а привнесены сучужа. Такъ: а) выраженіе: *„мимо Киевъ"*

[1]) Общепризнано, что сегментъ о странствованіи угровъ къ Дунаю ошибочно поставленъ подъ 898 г., а такъ какъ и отрывокъ, содержащій перечень текущихъ въ Россіи рѣкъ, тоже стоитъ теперь въ лѣтописныхъ сводахъ не на должномъ мѣстѣ,—то не лишено вѣроятія, что въ первичномъ подлинникѣ оба отрывка помѣщались на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, почему и могло случиться, что слова, относящіяся къ одному изъ нихъ, попали по ошибкѣ въ другой.

здѣсь положительно невозможно, уже потому, что „идоша мимо“ значитъ: обошли, оставили въ сторонѣ (ср., напр., Арх. сп. подъ 862 г.: „и идуче мимо Смоленскъ, и не явистася къ Смоленску“),—тогда какъ дальше говорится, что угры расположились вежами на мѣстѣ, находившемся въ чертѣ окружавшаго Кіевъ вала, и, значитъ, стояли болѣе или менѣе продолжительное время подъ самымъ городомъ. Попало же сюда это выраженіе вотъ откуда: Никон. и нѣкоторыя другія л-си въ извѣстіи о походѣ Олега и Игоря на Аскольда и Дира даютъ: „Игорь же и Олегъ, творящеся мимоидуща, потаистася въ лодіахъ“. Съ увѣренностью можно принять, что подобная же фраза имѣлась и въ протографахъ старшихъ списковъ, только, вм. „творящеся мимоидуща“, читалось: „творящеся идуща *мимо Киевъ*“, но, по ошибкѣ переписчиковъ, она была пропущена, за исключеніемъ однако двухъ послѣднихъ словъ, перенесенныхъ, по недоразумѣнію, въ сегментъ о прохожденіи угровъ. б) Слова: *„горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорьское“* ни въ какомъ случаѣ не могутъ, какъ убѣдительно доказалъ г. Иловайскій, относиться къ походу угровъ: слова эти, прибавлю отъ себя, являются просто ошибочнымъ повтореніемъ въ данномъ мѣстѣ словъ, читаемыхъ въ разсказѣ объ убійствѣ Аскольда и Дира: „несоша на гору и погребоша и *на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорьское*“. в) Сочетаніе *„пришедъше къ Днѣпру, сташа вежами“*, какъ опять-таки доказываетъ Д. И. Иловайскій (т. же), несообразно, ибо нельзя себѣ представить переправу кочевой орды съ лѣваго берега Днѣпра на правый подъ Угорскимъ и стоянку вежами на обрывѣ, покрытомъ дебрями. Перенесено же сюда это выраженіе изъ пропущенной въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ, но сохранившейся въ Архангелогор. сп. подъ 879 г. вставки въ упомянутое только-что извѣстіе о походѣ Олега и Игоря на Аскольда и Дира, начинающейся словами: *„Налѣзоста Днѣпръ рѣку* и пріидоста подъ Смоленскъ, и *сташа выше города, и шатры изставиша многи*“ (вар.: пришедъше къ Днѣпру, сташа вежами). г) Фраза *„бѣша бо ходяще, аки се Половци“*, прерывающая связь рѣчи и, очевидно, вставленная позднѣе, сама по себѣ невразумительна, т. к. остается непонятнымъ, въ чемъ собственно выражалось сходство между „хожденіемъ“ угровъ въ 898 г., и половцевъ, появившихся въ южно-русскихъ степяхъ впервые лишь въ 1055 г, (Ип., 114). Объясняется же дѣло тѣмъ, что эта фраза перенесена сюда неумѣстно изъ статьи подъ 694 г. (Лав., 61), гдѣ читается; „князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многы творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мяса варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ, ядяше (или ядя-

ху)...: также и прочи вои его вси бяху". Здѣсь-то и слѣдовало предложеніе: *„бѣша бо ходяще, аки се половци"*, т. е. воины Святослава, подобно ему самому, отличались такою же быстротою натиска и неустрашимостью въ войнѣ и вели, вообще, такой же суровый образъ жизни, какъ и половцы. Въ данномъ случаѣ сравненіе съ половцами и впрямь не лишено нѣкотораго основанія, ибо о знаменитомъ половецкомъ ханѣ Кончакѣ повѣствуютъ, что онъ ходилъ пѣшкомъ, нося котелъ за плечами (Ип., 480), а о самихъ половцахъ сообщаютъ, что они кусокъ сырого мяса клали подъ сѣдло лошади и гоняли ее до тѣхъ поръ, пока не испотѣетъ, а лежащій подъ сѣдломъ кусокъ не сдѣлается горячимъ [1]). д) Фраза: *„пришедше отъ въстока"* послужила поводомъ къ препирательству между *К. Я. Гротомъ* и *Д. И. Иловайскимъ*: Первый въ своей дисертаціи „Моравія и Мадьяры" доказываетъ, что путь угровъ въ Паннонію направленъ былъ съ юга,—изъ Черноморья, мимо Кіева, къ Желѣзнымъ Дунайскимъ воротамъ; второй же ученый, считая какъ мы видѣли, неправдоподобнымъ показаніе лѣтописи о проходѣ угровъ чрезъ Кіевъ, въ остальномъ держится лѣтописнаго свидѣтельства, что угры вошли въ новую свою родину съ востока чрезъ Карпатскія или Угорскія горы („Разыск." 554-5). Между тѣмъ, легко усмотрѣть, что означенная фраза очутилась здѣсь только по ошибкѣ, ибо, если бы она, дѣйствительно, относилась къ составу разбираемаго сегмента, то, по крайней мѣрѣ, она поставлена была бы въ самомъ началѣ его: „Идоша Угри, *пришедъше отъ въстока*, мимо Киевъ" и пр. Главное же—то, что, еслибы лѣтописецъ достовѣрно зналъ и хотѣлъ сообщить, откуда именно угры пришли, то онъ бы выразился точнѣе, а не употребилъ бы такой неопредѣленный оборотъ рѣчи, какъ: „пришедше отъ въстока". Остается поэтому только дознать, *гдѣ* же первоначально помѣщалась наша фраза? Рискуя вызвать противъ себя саркастическіе выпады со стороны филологовъ, охотно выставляющихъ на показъ свою осторожность и „трезвость", рѣшаюсь утверждать, что она стояла сперва далеко впереди,—на стр. 4-й Лавр. л-си, входя въ составъ предложенія: „И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе", какъ это явствуетъ изъ сличенія съ библейскимъ стихомъ (Бытіе, XI, 2): „И бысть *внегда поити имъ отъ востокъ*, обрѣтоша поле на земли Сенарстѣй" и пр., или еще ближе—съ параллельнымъ мѣстомъ Палеи, т. н, исторической (изд. А. Попова, стр. 19): „Бысть *пошедшимъ имъ отъ востока*, обрѣтоша поле въ земли сенаръ".

---

[1]) См. проф. П. В. Голубовскаго: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ", К. 1884 г., стр. 220.

Итакъ, въ разсмотрѣнномъ грамматическомъ періодѣ насчитывается пять чуждыхъ его содержанію фразъ, перенесенныхъ сюда изъ разныхъ другихъ мѣстъ л-си.

3) Въ тѣсной связи съ предыдущимъ отрывкомъ находится предложеніе, заканчивающее собою статью о народахъ, мучившихъ славянъ: „По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ“ (Лав., 11).

Изъ того, что въ настоящемъ случаѣ о печенѣгахъ, пришедшихъ на русскую землю впервые только при Игорѣ въ 915 г., лѣтопись упоминаетъ прежде угровъ, прошедшихъ будто-бы мимо Кіева при Олегѣ въ 898 г., покойный проф. *В. О. Ключевскій* вывелъ, что событія 915 г. и слѣдующихъ годовъ описаны уже не авторомъ Повѣсти вр. л., а другимъ лицомъ, и что, такимъ образомъ, послѣдняя, повидимому, прервалась княженіемъ Олега („Курсъ р. ист.“, I[3], 91). Проф. же *К. Я. Гротъ* (ук. соч., 243) полагалъ, что означенный анахронизмъ, состоящій въ упоминаніи имени печенѣговъ раньше угровъ, „объясняется просто тѣмъ, что въ этомъ предварительномъ этнографическомъ очеркѣ авторъ (Повѣсти) не имѣлъ въ виду строгой хронологической послѣдовательности“; касательно же выраженія: „паки идоша Угри *Чернии*“ (подчеркнутаго слова нѣтъ въ Р. и А.) нашъ ученый высказался, что лѣтописецъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета о переселеніи угровъ на западъ и составилъ себѣ представленіе о двукратномъ разновременномъ прохожденіи ихъ черезъ южную Русь и мимо Кіева. Но, вглядываясь внимательнѣе въ текстъ, нельзя не видѣть, что затруднительность даннаго предложенія происходитъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, единственно лишь оттого, что оно составилось путемъ склейки четырехъ отрывочныхъ фразъ, относящихся къ разнымъ мѣстамъ лѣтописнаго свода. Такъ, **а**) сочетаніе „*По сихъ же придоша Печенѣзи*“ не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ содержаніемъ сегмента, въ которомъ перечисляются народы, производившіе насиліе надъ дунайскими славянами и „наслѣдовавшіе“ ихъ землю, такъ какъ печенѣги землею славянъ на Дунаѣ не завладѣли и насильниками ихъ не были. Очевидно, поэтому, что сказанная фраза прицѣплена здѣсь по ошибкѣ и что она, въ дѣйствительности, представляетъ собою начало извѣстія Лавр. сп. подъ 915 г. о нашествіи печенѣговъ на русскую землю и заключеніи ими мира съ Игоремъ: „(*По сихъ же*) приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игоремъ, и приидоша къ Дунаю“, причемъ послѣ словъ: „по сихъ же“ пропущено слово „лѣтѣхъ“ или „временѣхъ“, судя по тому, что въ той же самой статьѣ 915 г. употреблено подобное же выраженіе: „*В си же времена*“ прииде Семионъ“; точно также подъ 913 г.: „*В се же время* поча царство-

вати Костянтинъ", а подъ 914 г.: „*В то же лѣто* пріиде Семионъ Болгарскіи". б) На вставочность фразы: „*Паки придоша Угри мимо Киевъ*" указываетъ уже одна ея недоконченность. Говоря о нашествіяхъ, произведенныхъ на славянъ болгарами, волохами, бѣлыми уграми и аварами, лѣтопись даетъ знать о цѣли и послѣдствіяхъ этихъ нашествій: „насильники Словѣномъ быша", „наслѣдиша землю Словѣньску", „воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы"; упоминая же о вторичномъ прохожденіи угровъ (черныхъ) мимо Кіева, лѣтопись не сообщаетъ, куда именно и для чего послѣдніе на сей разъ пошли. Въ виду сего напрашивается предположеніе, что эта фраза, подобно предыдущей, составляетъ повтореніе начала самостоятельнаго извѣстія подъ 943 г.: „*Паки придоша Угри* на Царьградъ и, миръ отворивше съ Романомъ, возвратишася въ свояси", и что слова: „мимо Киевъ" вставлены позднѣе подъ вліяніемъ разобраннаго мною выше начала статьи 898 г.: „Идоша Угри мимо Киевъ". в) Нельзя не считать вставкою и выраженіе: „*послѣже при Олзѣ*, т. к. всѣми историками признается, что пріуроченіе нашею лѣтописью прохожденія угровъ черезъ южную Россію, мимо Кіева, ко времени княженія Олега, къ 898 г.—фактически невѣрно. Во всякомъ же случаѣ, о *вторичномъ* проходѣ угровъ мимо Кіева при Олегѣ не можетъ быть и рѣчи. Попало же сюда сказанное выраженіе вотъ откуда: на стр. 8-й Лав. сп., въ статьѣ объ основаніи Кіева, читается: „и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ"; за словомъ „старѣйшаго" въ 4-хъ спискахъ (Воскр., Твер., Соф. 1 и Соф. Великаго Новаграда) имѣется, ни къ селу, ни къ городу, вставка: „якоже бысть". Эта-то вставка, въ связи съ сочетаніемъ: „послѣже при Олзѣ", и образуетъ цѣльную фразу, стоявшую, можно думать, первоначально въ концѣ отрывка о благословеніи, преподанномъ св. ап. Андреемъ горамъ кіевскимъ: „имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать"..., и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже (въ Ник. сп.: по мнозѣ времени) бысть Киевъ". Вотъ здѣсь и находилась, въ видѣ варіанта, приписка: „[якоже бысть] [послѣже при Олзѣ]", т. е. пророчество св. апостола, по крайней мѣрѣ, относительно возникновенія на тѣхъ горахъ большого города, сбылось, дѣйствительно, при Олегѣ, при которомъ Кіевъ сдѣлался столицею русской земли.

Итакъ, занимающій собою всего полтора строчки отрывокъ, послужившій предметомъ оживленныхъ преній между виднѣйшими учеными, на дѣлѣ оказывается наборомъ четырехъ безсвязныхъ клочковъ отдѣльныхъ фразъ.

4) „По размѣшеньи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ раздруши столпъ, и есть останокъ его межи Асура и Вавилона; и есть въ вы-

соту и ширину локоть 5333 (въ Р. 5433): *въ лѣта много хранимъ останокъ*" (Ипат., 3).

Подчеркнутыя слова представляютъ собою, очевидно, спайку двухъ варіантовъ, первоначально стоявшихъ на полѣ рукописи и неумѣстно перенесенныхъ сводчикомъ въ самый текстъ. А именно: на той же страницѣ Ипат. л-си нѣсколькими строками выше имѣется: „и здаша столпъ за 40 лѣтъ". Къ этой-то фразѣ и относится варіантъ: „въ лѣта многа"; слова же: „хранимъ останокъ"—варіантъ къ сочетанію: „и есть останокъ его". А что оно такъ,—это явствуетъ изъ сопоставленія съ Сокращенною Палеею рус. редакціи (изд. А. Попова), гдѣ на стр. 16-й говорится: „Бысть же дѣлаемоу столпу ѿ (а не м҃) лѣтъ", а на слѣдующей страницѣ:—„и по раздѣленіи же языкъ, воздвиже Богъ вѣтръ великъ, раздроуши столпъ. Есть останокъ столпа того межи Ассиріи и Вавилономъ на поле нарицаеме синаръ въ высоту и ширину ҂Єулг." Здѣсь, какъ видимъ, вышеозначенныхъ словъ нѣтъ совсѣмъ, какъ ихъ нѣтъ также въ хроникѣ Іоанна Малалы и въ первоисточникѣ даннаго отрывка—въ Книгѣ Юбилеевъ [1]).

5) *Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ*, бѣ путь изъ Варягъ въ Грекы" и т. д. (Лавр. 6).

Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе всякой логической связи между подчеркнутыми словами и дальнѣйшимъ изложеніемъ т. н. варяжскаго пути, ибо то обстоятельство, что Поляне жили „особѣ" (самостоятельно) на горахъ, не имѣетъ вѣдь никакого отношенія къ факту существованія пути отъ варяговъ къ грекамъ, и обратно. Кромѣ того, представляется страннымъ и само по себѣ выраженіе: „по горамъ симъ"; вѣдь поляне, какъ замѣтила сама лѣтопись, назывались такъ собственно потому, что сидѣли *въ равнинѣ*,—„зане в поли сѣдяху". Чтобы устранить эту несообразность, Шлецеръ сказанное выраженіе перевелъ: „*на сихъ возвышенностяхъ*" (I, 157). Но это, конечно, большая натяжка, да, притомъ, все-же непонятно, что̀ значитъ „по горамъ *симъ*"? Вѣдь раньше не было и помину ни о горахъ, ни о возвышенностяхъ въ Приднѣпровьѣ. Между тѣмъ, примѣняя принятый мною методъ возстановленія текста, нетрудно заключить, что означенныя слова приставлены здѣсь неумѣстно, а именно: слова: „*Поляномъ* же жившимъ особѣ" составляютъ варіантъ къ началу сегмента объ основаніи Кіева: *Полем* же жившемъ (или жившомъ) особѣ и володѣющемъ роды своими" (Лав., 8); слова̀ же: „по горамъ симъ"—разночтеніе къ словамъ помѣщенной рядомъ по-

---

[1]) См. Ioannes Malalas, Bonnae, 1831, p. 12. и „Die Apocryphen u. Pseudoepigraphen d. Alt. Testaments" übersetzt und herausgegeben von E. Kautzsch, B. II, 1900, S. 59, V. 21—26.

вѣсти о путешествіи ап. Андрея: „видите-ли горы сия? яко *на сихъ горахъ* (вар.: по горамъ симъ) восияетъ благодать Божья“ (Лавр., 7). Кстати, укажу на предложенное проф. *М. С. Грушевскимъ* объясненіе противорѣчія между показаніями лѣтописи въ одномъ мѣстѣ, что поляне назывались такъ потому, что сидѣли „въ полѣ“, въ другомъ,—что они жили „по горамъ симъ“, и въ третьемъ—„*въ лѣсѣ* на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою“ (Лавр., 16). „Простѣйшимъ объясненіемъ этого противорѣчія, пишетъ почтенный профессоръ, будетъ, повидимому, то, что прежде, предъ натискомъ степныхъ ордъ X—XI в., главныя обиталища Полянъ находились къ югу отъ Стугны, въ бассейнѣ Роси, гдѣ было больше равнины, „чистого поля“. Въ противоположность этой области, сѣверная часть Кіевской земли называлась „лѣсной стороной“: соотвѣтственно этому, южная могла зваться полевою, польскою, а отъ нея и жители—Полянами. „Польской (полевою) землею“, дѣйствительно, называетъ Повѣсть землю полянъ, по традиціи, въ ея цѣломъ“ („Кіев. Русь“, I, 225). Но мнѣ представляется, что несравненно проще объяснить сказанное противорѣчіе неисправностью текста. О томъ, что выраженіе „по горамъ симъ“ лишь по ошибкѣ поставлено вслѣдъ за фразою: „Поляномъ же жившимъ особѣ“ я только-что уже говорилъ. Равнымъ образомъ, и имѣющіяся въ статьѣ о хазарской дани слова: „въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою“ вовсе не относятся къ обиталищамъ полянъ,—какъ я это доказывалъ въ другомъ мѣстѣ, предварительно возстановивъ правильное чтеніе всей означенной статьи,—въ результатѣ чего обнаруживается, что на горахъ днѣпровскихъ сидѣли хазаре съ ихъ каганомъ и старѣйшинами, какъ впослѣдствіи на этихъ же горахъ сидѣли русскіе князья съ ихъ дружинами; подвластные же хазарамъ поляне и древляне жили: первые „въ полѣ“, а вторые „въ лѣсѣ“ (вар.: лѣсѣхъ)[1]).

Закончу разсмотрѣніемъ еще одного отрывка, котораго я также уже коснулся раньше попутно, а именно—вышеупомянутаго начала статьи объ основаніи Кіева:

6) „Полем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, *иже и до сее братьи бяху Поляне*, и живяху кождо съ своимъ родомъ“ и проч. (Лавр. 8).

Даже *М. П. Погодинъ*, при всемъ его преклоненіи предъ буквою лѣтописнаго преданія, находилъ несообразнымъ, что авторъ Повѣсти, не сказавъ еще ни слова о Кіѣ съ братьями, говоритъ уже прямо: иже и до сее братьѣ (II, 389, прим.). Но дѣло въ томъ, что эти слова

[1]) См. мою брошюру: О библ.—агад. элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Начальной р. л-си“, стр. 38.

поставлены невпопадъ во главѣ статьи, тогда какъ они должны стоять въ концѣ ея: „и створиша себѣ градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ... и нарицахуся *Кияне* (вм. ошибочнаго „Поляне"), отъ нихже суть *Кияне* (в Киевѣ) и до сего дне, [*иже и до сее братьѣ бяху Поляне*"].

Смѣю думать, что въ виду хотя-бы лишь того, что уже на первыхъ страницахъ „Повѣсти" встрѣчаются крайне непонятныя и несообразныя предложенія, могущія быть удовлетворительно объяснены, какъ мы видѣли, единственно только при помощи перестановокъ словъ и фразъ,—едва-ли имѣется основаніе строго осуждать рядового изыскателя, который посильно старается осмыслить посредствомъ такого критическаго пріема темныя мѣста древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ,—раздѣляя убѣжденіе Ученика изъ „Фауста", что „вѣдь понятія въ словахъ должны же быть". Не справедливѣе ли обратить осужденіе скорѣе всего по адресу заправскихъ ученыхъ, прибѣгающихъ зачастую къ самымъ вопіющимъ натяжкамъ, къ самымъ произвольнымъ и насильственнымъ толкованіямъ, лишь-бы отстоять неприкосновенность явно искаженнаго текста, какую бы непроходимую безсмыслицу онъ изъ себя ни представлялъ,—слѣдуя назиданію Мефистофеля: „словамъ должны мы довѣрять, въ словахъ нельзя ни іоты измѣнять"!..

Академия наук СССР
титут научной информации
ундаментальная библиотека
о общественным наукам
15.4.75